ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 40 15 МАЯ 1903 ГОДА № 40

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГОД.

(1 мая 1902 г.—1 мая 1903 г.)

Революционный год, закончившийся нынешним майским праздником, принадлежит к числу наиболее богатых такими событиями, которые не проходят бесследно для рабочего движения.

Целый ряд грандиозных конфликтов между трудом и капиталом развернулся в течение истекшего года. Никогда еще за один год не происходило столько так называемых «генеральных» стачек — стачек, устраиваемых пролетариями целой отрасли производства во всей стране или всех отраслей в одном районе.

Майский праздник прошлого года справлялся пролетариатом под гнетущим впечатлением крупной неудачи, только что понесенной бельгийскими рабочими во всеобщей стачке апреля 1902 г., представлявшей одно из грандиознейших выступлений международного пролетариата. Не успели замолкнуть толки о бельгийской всеобщей стачке, устроенной для борьбы за всеобщее избирательное право, как в Швеции началось такое же движение и с той же целью, на этот раз увенчавшееся частичным успехом. С этого момента более или менее «всеобщие» стачки сменяют одна другую в разных концах цивилизованного мира.

Всеобщая стачка марсельских рабочих, громадные стачки углекопов в Соединенных Штатах и во Франции, стачка сельскохозяйственных рабочих в Галиции, всеобщая стачка в Женеве, ноябрьская стачка в Ростове-на-Дону и его районе, январская стачка в Голландии, мартовская там же и, наконец, генеральная стачка в Риме — таков итог революционных выступлений международного пролетариата за последний год, поскольку мы не выходим из сферы непосредственной экономической борьбы. А совсем на-днях в далекой Австралии имела место всеобщая стачка железнодорожных рабочих.

«Всеобщая стачка» представляет довольно элементарное средство классовой борьбы пролетариата и отнюдь не может считаться тем единоспасающим средством, каким его провозглашают анархисты и не освободившиеся от их влияния социалисты в разных странах. Концентрируя всю боевую энергию революционного пролетариата в той именно сфере, где буржуазия неизмеримо сильнее его, противопоставляя колоссальной материальной силе капитала пассивный отказ от работы, предполагая для своего успеха такую степень организованности, которая недостижима при капитализме, — так называемая всеобщая стачка представляется методом борьбы, в большинстве случаев заранее обреченным на неудачу, таким методом, который, развивая громадную энергию массового движения, растрачивает бо́льшую ее часть крайне непроизводительно.

Но если, как средство борьбы за непосредственное освобождение пролетариата или за увеличение его прав в современном обществе, всеобщая стачка является средством неполным, односторонним и неэкономным, то велико ее значение с и м п т о м а т и ч е с к о е, т. е. ее значение как показателя нарастающей, концентрирующейся и неудержимо проявляющейся революционной энергии класса, идущего к своему окончательному освобождению. А то, так сказать, упражнение чувства классовой солидарности и революционного самоотвержения, которое для широкой массы рабочих связано с всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнейшего социалистического развития этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочего класса, оказывающееся недостаточным почти каждый раз, когда ставкой в данном акте борьбы является нечто хотя бы немного большее, чем интересы капитала одной какой-либо группы буржуа. Как только ставка превышает этот невысокий уровень, перед об'единенным всеобщей стачкой пролетариатом встает «богкапитал» во всем своем величии, во всей своей бездушной, бесчеловечной и беспринципной силе, буржуазное общество в его целом, одушевленное одним интересом — интересом чистогана, преследующее одну только цель самосохранения и пред'являющее к пролетариату одно требование—требование покорности. И вот почему те грандиозные конфликты труда с капиталом, которые именуются всеобщими стачками, приобретают громадное значение, разоблачая истинный характер буржуазного общества.

Это разоблачение становится тем поучительнее и тем плодотворнее оно действует на классовое самосознание пролетариата, чем более резко противоречат разоблачаемые факты тем идеям, которые в предшествующий период с особенной силой работали над затемнением пролетарского сознания. Всем известно, что именно последние годы отличались поистине необузданным распространением идей о так называемом «социальном мире» между имущими и неимущими, который якобы подготовляется совершающимся якобы «притуплением противоречий», характеризующих капиталистическое общество. Оперируя с немногочисленными фактами, характерными не для всего капиталистического развития, а только для тех его моментов, когда промышленность находится в периоде процветания, новейшие апостолы «социального мира» похоронили марксову «догму» о постоянном развитии социальных противоречий и о непримиримости классовых интересов в современном обществе, об'явили социальное освобождение пролетариата возмож-

ным без потрясения самых основ буржуазного строя, провозгласили, что при демократическом режиме формы пролетарской борьбы могут «смягчиться» в виду якобы распространяющегося при таком строе среди всей «нации» признания за рабочим движением права на существование. С наступлением промышленного кризиса все карточные домики, построенные проповедниками «социального мира» и их легковерными последователями из числа социалистических оппортунистов, мгновенно развалились, и капиталистический строй вновь предстал во всем своем великолепии. О том, как демократические страны идут навстречу «социальному миру», поведали пролетариату солдатские ружья, выставленные против стачечников демократической государственной властью Франции и Швейцарии, Голландии и Бельгии. Исключительные законы в Голландии и подсказанные грубыми классовыми интересами драконовские судебные приговоры в Бельгии и Женеве показали еще раз, какое реальное значение имеет для классового движения пролетариата демократизация государственной власти. При рукоплесканиях большей части буржуазии голландские государственные деятели провозгласили и провели в жизнь принцип, согласно которому право стачек кончается там, где затрагиваются существенные интересы буржуазии в ее целом, и этот принцип был тотчас же перенесен на германскую почву в речи прусского министра; в Англии — этой прославленной всеми социал-реформаторами и оппортунистами стране «социального мира» по преимуществу — в Англии простыми судебными решениями у тред-юнионов отнимается право пропаганды стачки и на них же возлагается ответственность за убытки, причиненные капиталистам стачками... Более того: на «девственной» почве австралийской демократии всеобщая стачка железнодорожных рабочих побуждает правительство внести в парламент проект поистине «каторжного» закона против стачек. Оказывается, что, пока современный социальный строй — несмотря на политический прогресс — обеспечивает классовую диктатуру буржуазии, до тех пор все отвоеванные пролетариатом у буржуазии политические позиции, все свободы и права каждую минуту могут быть отвоеваны обратно; что только революционная организация и революционный отпор пролетариата являются гарантиями сохранения этих прав. Пролетариат видит, что в современном капиталистическом обществе право «экономической борьбы» признается за ним лишь до тех пор, пока он не воспользуется этим правом для нанесения буржуазии сильных ударов. И вот почему демократическая свобода, далекая от того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротив, доводит их до наиболее острого выражения, поскольку с бьющей в глаза яркостью констатирует неизменность пролетарского бесправия перед классовой диктатурой буржуазии. И вот почему «социальный мир» есть вредная и пустая фраза, а грозной действительностью является «война на жизнь и смерть».

Право на стачку является основным условием сколько-нибудь успешной экономической борьбы пролетариата. Таким же основным условием для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы в последние годы (особенно во Франции) сказок о том, что при всеобщем избирательном праве для пролетариата пропадает необходимость готовиться к завоеванию классовой диктатуры, что при всеобщем избирательном праве за пролетариатом обеспечена возможность достаточного и все растущего влияния на государственную машину. Истинную цену всем этим сказкам мы могли определить в прошлом году, когда германский пролетариат воспользовался своим избирательным правом для того, чтобы дать решительное сражение аграрной реакции, предпринявшей опустошительный набег на карманы всей бедной части населения. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться действительно серьезным оружием в руках пролетариата, защищающего интересы культуры и всех трудящихся, — чтобы в Германии был поставлен на очередь вопрос об упразднении этого права, об отнятии политических прав у неимущих, о водворении пролетариата за пределы буржуазной «легальности». Германский пролетариат должен был убедиться, что охраной его политических прав в современном строе является только его готовность дать революционный отпор всякой реакционной попытке, а эта готовность к успешной оборонительной войне прямо пропорциональна его готовности к войне наступательной, к борьбе за государственную власть, к борьбе за социальную революцию. Буржуазное общество до тех пор только допускает участие пролетариата в своей государственой власти, пока это участие не затрагивает основных интересов руководящих в современном обществе политических сил. За этими пределами никакая «легальность» не может удержать представителей буржуазного общества от перенесения борьбы на «грубо-материалистическую» почву, где решает сила.

Перипетии борьбы германского пролетариата против таможенного законопроекта показали также, как химеричны в свободных странах надежды на изменение взаимных отношений между социалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной, демократией. Эти надежды, составлявшие центральный пункт политики социалистических оппортунистов, снова посрамлены поведением немецкой буржуазной демократии в таком именно вопросе, где дело шло не специально о классовых интересах пролетариата, а об интересах всей демократической части нации, где, следовательно, буржуазно-демократические партии могли бы, не поступаясь интересами своих буржуазных избирателей, вести политическую борьбу против реакции рядом с пролетариатом. На деле, за вычетом ничтожной кучки либералов, группирующихся около Барта, немецкие «свободомыслящие»[1] всячески тормозили борьбу социалистов и кончили тем, что предали их. Поставленные между партией реакции и партией пролетарской революции, буржуазные демократы еще раз проявили свою политическую бесхарактерность, свою неспособность отстаивать дело свободы, отстаивать те самые идеалы, которые некогда были провозглашены их отцами. Дело защиты интересов культуры, интересов громадного большинства народа целиком падает на революционный пролетариат.

В Бельгии либералы изменяют движению в пользу избирательной реформы в тот именно момент, когда их помощь, обещанная пролетариату, могла бы быть полезной, и, когда общее дело — борьба против клерикального врага — оказывается проигранным вследствие их измены, они же

малодушно предают ярости победителей борцов рабочего класса. В Голландии либералы почти в полном составе участвуют в травле стачечников-рабочих, помогают проводить исключительные законы, кричат: «распни его» капиталистам, увольняющим тысячами «своих» наемных рабов. В Англии либералы изменяют тред-юнионистам, когда последние требуют ограждения прав стачки. В Женеве «радикальное» правительство высылает военную силу против забастовщиков. Везде та же картина.

Везде организованный пролетариат в борьбе за интересы своего класса противостоит всему буржуазному обществу, которое, несмотря на раздирающие его внутренние разногласия, является единым, когда затронуты существенные интересы частной собственности. «Класс против класса» — таково в конце концов положение вещей в свободном европейском государстве, и, чем свободнее, чем демократичнее его форма, тем резче в известный момент выступает этот основной факт современной жизни. И перед логикой этого факта как карточные домики разлетаются все построения оппортунистов, увлеченных софизмами буржуазных пророков. Бернштейнианская идиллия разрушается грубой капиталистической действительностью, и она — этот лучший учитель — проясняет пролетарское самосознание и его революционизирует.

Болезни, привитые рабочему движению бывшим еще недавно в полном разгаре оппортунистическим «кризисом», понемногу исцеляются. Сильный удар нанесен оппортунизму бельгийскому уроком всеобщей стачки; германский пролетариат снова переживает период революционного под'ема; идея неумолимой классовой борьбы прививается к швейцарским социалистам; недавно еще «реформистская» в большей своей части итальянская рабочая партия[2] постановляет, наконец, разорвать компрометирующую связь с буржуазным правительством, а французский сознательный пролетариат все теснее сплачивается около революционно-социалистической партии[3], предоставляя Мильеранам и Жоресам ту среду лавочников, которой интересы они в сущности представляют. И не менее глубокая «размежевка» быстро происходит в нашем отечестве, где все силы пролетарского движения все решительнее становятся под знамя революционной «марксистской» социал-демократии, в то время как социализм оппортунистический, вопреки своему злоупотреблению революционной фразой, все яснее разоблачает свою сущность, сущность мелкобуржуазного «демократизма».

Русским революционерам приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введение в России тех конституционных учреждений, которые существуют в Западной Европе и которые, как мы упоминали, отнюдь не являются фактором, «смягчающим» классовые противоречия и классовую борьбу. Русский пролетариат берет на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократию, хорошо зная, что демократический режим облегчит дальнейшее развитие тех основных «устоев» современного общества, которые вырывают все более глубокую пропасть между неимущими и имущими, между пролетариями и собственниками. Когда в зап.-европейских странах велась борьба за основные демократические вольности, тогдашние революционеры глубоко верили в то, что демократия создаст действительное «равенство», что она положит конец классовому гнету и классовой борьбе. Эта вера наполняла энтузиазмом сердца тогдашних борцов, она сделала тогдашних демократов революционерами по духу, она дала выходцам из буржуазии ту идейную и моральную силу, которая позволила им увлечь за собой все живые элементы народа, которая сплотила весь народ в революционную армию.

Революционеры современной России лишены этой наивной веры европейских людей недавнего прошлого. Современным русским революционерам известно то, что оставалось закрытым для их исторических предшественников. Они знают, что свержение «старого порядка» будет не концом, а всего лишь прологом великой социальной борьбы; что демократия не уничтожит, а, наоборот, разовьет до конца классовые противоречия нашего общества.

Старые иллюзии невозможны в наши дни; они и не нужны революционному пролетариату, ибо там, где он их разделял в известную эпоху, ему много стоило освобождение от их чарующей власти. Чтобы бороться всеми своими силами за демократию, пролетариат отнюдь не должен видеть в ней к о н е ч н у ю ц е л ь своих стремлений; с неменьшей страстностью будет он за нее бороться, если будет считать ее ближайшим этапом на пути к своему полному освобождению. Но другие социальные слои, заинтересованные в демократическом перевороте, находятся в ином положении: их классовые интересы будут всцело удовлетворены более или менее полной демократизацией политических форм современного социального строя. Дальнейшее общественное развитие несет этим слоям упадок их социального значения, и они не могут связывать свои идеалы с этим развитием. Для этих демократических слоев поэтому борьба за политическую свободу не может не отравляться мыслью о том, «что же дальше?». В свойственном каждому борющемуся классу инстинктивном стремлении достичь максимума революционного напряжения представители этих слоев страстно хватаются за всякую представляющуюся им возможность создать себе ту иллюзию, которая 50 или 100 лет назад спаяла армии революционных борцов на Западе.

В короткое время мы пережили целый ряд таких попыток со стороны русской демократии выработать такую политическую «формулу» своего движения к свободе, которая устранила бы этот проклятый для нее вопрос — «что же дальше?». В бернштейнианстве пыталась она снова возвести в перл создания политический строй развитого капиталистического строя, «смягчающий» классовые противоречия и устраняющий классовую борьбу. В новейшем якобы «идеализме» ее представители ищут такой идеологии, которая бы освятила либеральные свободы как «самоцель» и принизила бы значение революционных требований социализма... В «революционном авантюризме» крайнее крыло этой демократии ищет таких форм политической борьбы, которые ослабили бы ее связь с классовыми задачами пролетариата.

Тщетны все эти попытки бороться с об'ективным ходом вещей, перемещающим центр русской революции в среду именно пролетарского движения. С силой революционной стихии движение русского пролетариата разрушает старые и не дает сложиться новым иллюзиям демократии; в виду обнаженной классовой борьбы в свободных странах Европы чахнут, не успев расцвесть, все побеги новых демократических идеологий. Революционно-

концентрирующая сила всех демократических паролей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба против революционного социализма, не создавая новых революционных центров, только расслабляет общенациональное движение против царизма. Быстро свершает свое развитие русское бернштейнианство, посеяв среди известной части рабочих семена «легализаторских» стремлений, культивируемых ныне полицейской реакцией, а в политической жизни растворившись в умеренном, неспособном к борьбе либерализме. Быстро вянет и блекнет революционизм фразы, и временный его успех ничем не отражается на общей борьбе с царизмом, кроме посеянного там и сям скептицизма, кроме достигнутой кое-где дезорганизации боевых сил революции. И новейшее «идеалистическое» движение не успевает еще оформиться, как уже явно для всех, желающих видеть, его адепты являются проводниками политического индифферентизма и политической дряблости. Русский революционер нашего времени не может проявить свой активный протест против существующего режима, становясь под знамя борьбы с революционным социализмом. Поскольку он сам не становится социалистом, он может остаться борцом, лишь признавая над собой гегемонию пролетарского движения. Только следуя за революционным пролетариатом, русская демократия может успешно работать над сокрушением ненавистного царизма. Понимание этой истины, несомненно, проникает в широкие круги демократической интеллигенции по мере того, как мужает и проявляет свою зрелость русское рабочее движение.

Истекший революционный год дал в этом отношении не мало. Понемногу сошло на-нет либерально-земское движение, приостановилось в своем развитии самостоятельное движение студенчества, обнаружил свое бессилие терроризм, свой неоправданный оптимизм — новейшее революционное крестьянофильство. Только революционный пролетариат шел по восходящей линии, постепенно ускоряя темп своего развития. Сормовский[4] и Саратовский[5] процессы, ноябрьские события в Ростове-на-Д.[6], февральские и мартовские демонстрации[7]—показали, что революционность пролетариата неустанно растет даже в моменты сравнительного политического затишья. Растет и организованность его авангарда — русской социал-демократии. Вместе с расширением агитации и распространением ее на все новые слои пролетариата шла весьма интенсивная внутренняя организационная работа, которой удалось уже сделать много для упрочения партии и усиления ее политического влияния. Недалекое будущее завершит первую, труднейшую часть этой важной работы, и об'единенная Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия во главе руководимых ею народных масс поведет всесторонний и планомерный поход на твердыню самодержавия.

Русская демократия за последние только годы испытала не мало политических «увлечений», в результате которых остался осадок разочарования. Только пролетариат не обманул ничьих революционных надежд. Содействовать успеху его движения — дело простого политического расчета всех тех, кому дорога политическая свобода. Бороться в его рядах — единственный исход для революционера, желающего неразрывно связать борьбу настоящего с высшими идеалами человечества.

[Л. Мартов]

ТАРТЮФЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОРАЛИ[8].

С появлением так называемой «партии» так называемых социалистов-революционеров в нашем революционном движении заняло видное место революционное декламаторство и фразерство, чуждое лучшим временам нашего движения. Русский революционер как будто бы перестал стыдиться фразы, как будто бы разучился отличать пафос, согретый глубоким чувством, от пафоса вымученного, ходульного, неискреннего. Как просто держались те герои революции, те деятели 70-х годов, которые так дороги нам, ушедшим далеко от них в своих политических взглядах! И как мизерны, как пошлы нынешние их «подражатели»! То, что первый раз в истории было трагедией, во второй раз оказывается фарсом!

Герои политической драмы всегда нравственны в глубоком смысле слова, а потому не любят много говорить о нравственности. Герой фарса любит «нравственные» разговоры. Он, подобно грибоедовскому герою,

> Когда о честности высокой говорит,
> Каким-то демоном внушаем, —
> Глаза в крови, лицо горит,
> Сам плачет, и мы все рыдаем,

конечно — кроме тех, кто смеется.

Солжет — и, закатив глазки, прочтет «предику» о «правде-истине»; распространит клевету — и, бия себя в грудь, скажет прочувствованное слово «правде-справедливости»; пустит змеиный шип ненависти — и распространится о согревающей его пустое сердце «братской» любви; осрамит дело революции опереточным выступлением — и напомнит о «славных традициях». Он плодит неверие в научное знание, презрительно третирует теорию и апеллирует к инстинкту; это не мешает ему говорить медовым голосом о «критической мысли». Он спекулирует на взвинченность настроения своей революционной аудитории, он строит свой временный успех на нетерпеливости незрелых умов, на благородном, но непродуманном порыве неустановившихся характеров, — это не мешает ему с пеной у рта и со слезою в голосе говорить о тех, кто развращает «малых сих»... И, заражая революционную атмосферу миазмами базарной рекламы, шумихой фраз и бездельным пустословием, он походя кивает на работников пролетарской революции, благочестиво благодаря своего господа за то, что не сотворил его таким, как иные прочие.

Год тому назад «революционные беллетристы» сделали неудачную попытку поделиться славой, которая досталась юному герою, воспитанному русским социал-демократическим движением. Уличенные на месте, наши Удушьевы и Репетиловы наговорили много фраз о своей нравственности и «приказали» себе не отвечать на неудобные вопросы, задаваемые им социал-демократами. «Но соблазн был велик» — трудно было удержаться от того, чтобы еще раз погреться в лучах чужой славы, чтобы еще раз покозырять мертвым телом в борьбе с пролетарским социализмом... Еще не омывшие срама, которым покрыла их неудавшаяся попытка «пристроиться» к делу 2 апреля, они помещают две «юбилейные» статьи, в которых с бесцеремонностью, отличающей эту породу политических деятелей, брызгают в социал-демократию действительно чистой кровью С. В. Балмашева.

Чего стоит, например, эта милая фраза в № 22 «Рев. России»: «Пусть... содрогнется сердце всякого борца за свободу, если он не всего себя отдает делу, если не всю силу своих мышц (!), не всю энергию своих нервов он напрягает в борьбе, — и на нем лежит часть ответственности за то, что еще проливается кровь, еще не стали лишними эти жертвы. Пусть еще более жгучим стыдом содрогнется (!) сердце тех, кто расстраивает ряды борцов, кто увлекается междоусобными счетами, кто жертвует фракционному самолюбию интересами общего дела, парализуя силу и единство общего натиска — они вдвойне повинны в каждой лишней капле пролитой крови, как бы ни отходили они в сторону, умывая руки наподобие Понтийского Пилата... Пусть прозвучат в их ушах убийственным укором те же евангельские слова: «кровь его на вас — и духовных детях ваших».

Социалисты-революционеры, как известно, «ужасно» не любят «междуфракционных» распрей; они «с болью в сердце» «вынуждены» отвечать своим заблудшим «братьям»... Их ум цепенеет при мысли, что нашлись в революционной среде люди, усомнившиеся в истинности заявлений никому неведомой «боевой организации», люди, предположившие, что революционер может солгать. И, утирая слезы угнетенной невинности, они, никого не называя, инсинуируют насчет тех, кто под влиянием самых низких мотивов («фракционное самолюбие») «расстраивает ряды борцов». С душевным прискорбием они констатируют, что русская социал-демократия обрызгана кровью Балмашева.

Разумеется, что после этой грязной выходки «Рев. Россия» должна была омыться в пучине революционной декламации и возвышенной морали. «Только революционный социализм, — говорит она, не смущаясь, — эта вечная правда нашего времени, в которой нераздельно и неразрывно слились правда-истина и правда-справедливость, может наполнять душу человека таким беззаветным энтузиазмом, таким очистительным пламенем. Но он должен наполнять им своих приверженцев, ибо иначе он выродится, он загрязнится, его кристальная чистота замутится наслоениями, не имеющими ничего общего с истиной. Мы верим, конечно, что социализм может пробивать себе дорогу даже при самых неблагоприятных условиях. И там, где незрелое состояние общего движения, культ вождей, игра их самолюбия, слепой отталкивающий фанатизм неофитов и братоубийственная ненависть сектантов покрывают корой мелких раздоров великое и могучее движение, — рано или поздно эта кора отпадет, отомрет, и слепы будут те, которые за этой грубой и грязной корой не увидят здорового, могучего ствола». Словом, возблагодарим господа за то, что он не сотворил нас такими, как эти многогрешные «сектанты».

Незаконно присвоив себе подвиг Балмашева, революционные беллетристы думают, что заставят забыть о неудаче своей попытки присвоения тем, что фамильярно называют его «нашим Степаном» или просто «Степаном». И, не смущаясь впечатлением, которое должно вызвать такое запанибратство, они вновь закатывают глаза и (в № 23) заявляют: «Все теснее и теснее связывали мы свою судьбу с памятью о нем — и теперь всякое прикосновение к этой священной (!) памяти нечистых рук болезненно отражается в нашем сердце». Мы, конечно, менее сентиментальны, но, признаемся, и нас коробит «прикосновение нечистых рук»...

№№ 22 и 23 «Рев. России» полны всякого рода инсинуаций против социал-демократии, против ее органов и комитетов.* Именно в виду этого «Рев. Россия» «пользуется случаем сообщить своим читателям» о новом протесте против «Искры», ею полученном от ссыльных, среди которых были и «социал-демократы» (те, очевидно, которые забыли золотое правило Белинского[9]: «я жид и с филистимлянами за один стол не сажусь»). «Об'единенные» протестанты толкуют о «практикуемой теперь „Искрой“ братоубийственной полемике, возбуждающей в читателях крайне тяжелое чувство горечи, глубокого негодования и брезгливости».

Называть ложь и мистификацию своими именами, разоблачать шумиху фраз и развенчивать опереточную революцию — это «братоубийственная полемика». Инсинуировать о том, что кровь Балмашева падает на голову русской социал-демократии, это — служить «правде-истине и правде-справедливости». Нет ли здесь какой-то несообразности, господа?

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАЙСКИЕ ДНИ В РОССИИ.

Первое мая в Сибири. Томск. Недавно мы снова пережили великие минуты, снова учащенно билось сердце и замирало при виде совершавшихся событий... Первое мая (18 апреля) Томск достойно отпраздновал.

Томское рабочее движение еще молодое, хотя начало его и относится к 1898 году. До последнего года оно захватывало 3—4 типографии, слегка один завод и 3—4 мастерские. В общем организованных рабочих было немного. За последний же год повелась массовая агитация, захватившая решительно все городские и ближайшие к городу заводы, более крупные мастерские, различные промышленные заведения, строительных рабочих и чернорабочих, некоторые парикмахерские, булочные и проч. Местный Комитет Р. С.-Д. Рабочей Партии старался использовать в целях агитации различные более значительные события русской жизни и все, имеющие какое-либо агитационное значение, из местной жизни. В начале 1902 года он выпускал прокламации еще в ограниченном количестве на гектографе, к концу перешли к мимеографу, а с начала нынешнего года к станку. Выпускались прокламации к рабочим вообще и к рабочим той или иной отрасли труда в частности, к гражданам и бюллетени о событиях русской жизни (по «Искре»)). Кроме того Комитетом организовано

* И даже против учащихся среднеучебных заведений, тяготеющих к социал-демократии. От последних требуется «сознательно-продуманное отношение к нашей социально-политической программе», каковой программы еще ни один смертный не видел. Нашему Тартюфу «вдвойне больно» видеть, что «начинающая жить революционной жизнью молодежь» подпадает влиянию «антиреволюционной проповеди», направленной против затушевывания классовых противоречий и серьезных партийных разногласий. И все это, собственно, потому, что революционные гимназисты критически отнеслись к «программе» тех гимназистов от революции, которые зовут к «об'единению» всех и каждого под знаменем «партии социалистов-революционеров».

было несколько постоянных кружков, в которых велись занятия с рабочими, устраивались сходки и вечеринки, где читались рефераты и произносились политического характера речи. Помимо своих прокламаций Комитет распространял значительное число прокламаций Сибирского Союза-Комитета Р. С.-Д. Р. П., [10] особенно интенсивно работающего за последнее время. Широкая революционная деятельность не прошла бесследно, и в настоящее время среди местных рабочих заметно крепнет сознательное революционное настроение. Большую воспитательную роль сыграли и две демонстрации, бывшие 18 и 20 февраля, тем более, что последняя к концу превратилась скорее в рабочую демонстрацию, когда большая толпа (до 1.000 чел.), состоявшая главным образом из рабочих, продолжала революционные возгласы, пение, речи, чтение прокламаций, когда отбит был арестованный рабочий, когда администрация и полиция ушли по требованию демонстрантов, сопровождаемые насмешками и свистом. С тех пор рабочие стали ждать того дня, когда они сами устроят демонстрацию, и таким днем, естественно для всех, было первое мая (18 апреля). За последние три дня до 18 апреля в городе было распространено до десяти тысяч прокламаций. Везде только и слышны были разговоры о предстоящем рабочем празднике. Находились, конечно, и скептики, не верившие в возможность со стороны рабочих что-либо устроить. Местным Комитетом было выпущено три прокламации своих: подготовительная майская (несколько измененная статья из № 5 «Южного Рабочего»), к железнодорожным и строительным рабочим. Кроме того были распространены прокламации Сибирского Союза-Комитета: «Зачем нам нужна политическая свобода?», подготовительная майская (обе с рисунком «пирамид»), о демонстрациях, к солдатам и казакам, первомайская (больше 3.000 шт.) и карточки с требованиями. Все прокламации были отпечатаны на бумаге пяти цветов (преобладал красный).

Решено было отпраздновать первое мая (18 апреля) демонстрацией и забастовкой. Успешно провести план празднества Комитету помешали такие условия, которые едва ли где еще имели место: это — глубокий снег, покрывающий окрестности города, и грязь по колено на улицах. Комитету не было никакой возможности устроить большую сходку, пришлось ограничиться небольшими сходками на квартирах рабочих. Устраивая демонстрацию, Комитет надеялся только на самих рабочих; на студенчество же, поддержанное 20 февраля рабочими, особенно нельзя было рассчитывать, так как значительная и вместе лучшая часть его раз'ехалась уже из Томска.

18 апреля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерских с количеством рабочих от 25 до 35 чел. каждая, несколько мелких ремесленных заведений и рабочие на одной каменной постройке. На нескольких заводах, мастерских, во всех типографиях и на многих постройках имела место лишь частичная забастовка. Во многих домах прислуга ушла с полдня и возвратилась ночью, заявляя хозяевам, что «сегодня наш праздник». С 12 час. дня улицы приняли необычный вид: на них появились в значительном количестве рабочие, из них многие были одеты по-праздничному, масса любопытных обывателей; шныряли шпионы, городовые, жандармы. К двум часам тротуары с обеих сторон Почтамтской ул. на протяжении нескольких кварталов были покрыты густой толпой гуляющих. Тут же была вся полиция. Среди толпы можно было видеть возбужденные лица рабочих. Демонстрация однако не начиналась. Говорили, что Комитет ждет больше публики. Около трех часов вдруг в одном месте выделилась группа человек в 30, запела революционную песню, выкинула красное знамя с надписью «Долой самодержавие!» и двинулась по улице. Публика оставалась на тротуарах, не решаясь пристать, другие рабочие рассыпались отдельными группами и не успели примкнуть. Полиция, как стая гончих, бросилась на демонстрантов, завязалась схватка, и трое были арестованы. Знамя было спасено. Толпа росла и к четырем часам передвинулась к центру города. Уговоры полицейских и угрозы ни к чему не вели. Новые попытки арестов не удавались, толпа отбивала. Из толпы все чаще и чаще стали раздаваться возгласы, покрываемые громким «ура». Но открытая массовая демонстрация началась лишь в 8-м часу, когда рабочие с горы от почтамта, усиленные несколькими сотнями типографских и строительных рабочих, вдруг побежали вниз. Полиция вообразила, что рабочие бросились на нее, и мгновенно исчезла с улицы, тем более, что только перед этим рабочие избили пом. пристава 5-й части, околоточного и городового за вторичную попытку арестовать выслеженного интеллигента. Спустившись с горы, демонстранты выстроились, выкинули знамя и с песнями двинулись к 5-ой части, где сидели четверо арестованных днем. Окружив часть, демонстранты потребовали освобождения арестованных. Перепуганные полицейские солгали и сказали, что арестованные увезены в 3-ю часть; к ней и направились демонстранты. Было уже около 9 часов вечера, стало темнеть. Теперь демонстрантов было около 5.000 чел., в том числе студентов сравнительно немного. Громкие песни и громовое «ура» доносились как говорят, до окраин города. Строительные рабочие и чернорабочие принимали деятельное участие, при этом пели «Дубинушку» на свой лад, между прочим — один куплет своего собственного сочинения, что они за студентов пристанут и Кухтерину (местный Крез, высылавший своих мясников бить студентов 18 февраля) плохо станет. По дороге к третьей части находится большой мост. На нем была сделана остановка, которой воспользовались, чтобы произнести речи. Ораторов слушали в глубоком молчании. Только после второй речи несколько чернорабочих просили указать, что им делать, чтобы не было теперешних худых порядков... Полиция стояла и тоже молчала. Было совсем темно. Вдруг над головами блеснул яркий, все сразу осветивший электрический свет фонарей. Перед демонстрантами оказались солдаты. Солдаты бросились на толпу с прикладами, полиция — с обнаженными шашками, об'ездные — с нагайками (об'ездные заменяют у нас казаков); но рабочие, кинувшиеся было бежать, остановились и осыпали нападающих градом камней. Солдаты и полиция отступили. Демонстрация кончилась, хотя громадные толпы народа не расходились до двух часов ночи; пришлось разгонять солдатами, которых вызвано было две роты. За ночь полиция еще захватила несколько человек, так что всех арестовано 36 человек. Из демонстрантов пострадали двое: одному рабочему городовой отсек шашкой два пальца, сильно побили одну женщину и изрезали шашками на ней одежду. Из полиции пострадали: пом. пристава 5-й части избит и вывален в грязевой канаве, сильно избиты два околоточных; помощнику пристава второй части проломили камнем голову; от камней пострадали пять городовых, один об'ездной; зашиблено несколько солдат.

Весь город взбудоражен, повсюду бесконечные толки о всемирном рабочем празднике. Рабочие довольны, что праздник прошел «как должно», досадуют, что не удалось отбить всех арестованных товарищей. Демонстрация несомненно оказала громадную услугу в деле политического воспитания местных рабочих масс.

Тифлис, 27 апреля. Пишу вам, только что возвратившись с демонстрации. По решению Кавказского Социал-Демократического Рабочего Союза [11] майская демонстрация в один и тот же день должна была произойти в трех центрах Кавказа (Тифлис, Баку, Батум). Тифлисский Комитет назначил на сегодняшний день; до сих пор велась энергичная пропаганда и господствовало среди рабочих небывалое воодушевление. Демонстрировать должны были по назначению на Головинском проспекте, но, оказывается, полиция разнюхала план демонстрации и поэтому в назначенный день Головинский проспект был запружен войсками, казаками и дворниками (скажу в скобках, что большое число дворников турецкие армяне, которые играют самую гнусную роль); ими же занят был весь Солдатский базар. Видя такое положение вещей, к утру же переменили план действий; сперва назначили местом демонстрации Эриванскую площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо дворца, но и этот план оказался несостоятельным; тогда моментально был дан сигнал рабочим собраться перед артистическим театром, где полиция до последнего городового отсутствовала. К 11¾ час. утра один из рабочих развернул шелковое знамя с вышитыми надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!»,

«Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Возле знамени начали быстро собираться демонстранты, вначале число последних было 400, а затем с каждой минутой все более и более это число росло. Демонстранты начали рядами двигаться по противоположному направлению проспекта, к казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочие двигались вперед с возгласами «ура!», «долой самодержавие!» и, таким образом достигнув до кадетского корпуса и завернув на Саперную ул., начали расходиться. Полиция очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двух-трех десятках отставших позади рабочих; началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итак, тифлисская демонстрация удалась. Арестовано много рабочих. Обыски и аресты продолжаются.

Б а к у. Майская агитация велась здесь усиленная. Было два больших загородных рабоч. собрания. Распространены майские листки на русском, армянск. и груз. языках: от Ком. Кавк. Союза и местн. Ком. Настроение со времени демонстр. 2 марта повышенное. Были две забастовки: трамвайных служащих и на табачн. фабрике Мирзабек'янца (800 раб.), обе успешные; все требования были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрация назначена была Кавк. Союзом на 27-ое одновременно с Тифл. и Батумск. На Парапете группа рабочих человек в 300 в 11½ час. выбрасывает красное знамя (бывшее уже теперь 3-й раз в бою) при криках «ура», «долой самодержавие!»; на этот призыв со всех прилегающих веером к площади ул. посыпались рабочие и с громкими криками, размахивая высоко над головой палками, ринулись к знамени; тысячная толпа демонстрантов направилась по Великокняжеской ул., чтобы с нее повернуть на Николаевскую ул; в начале Никол. демонстранты встречают еще одну группу, которая выбросила знамя революции. На Петровской площ. при общих криках «ура» и «долой самодержавие», полные ликования и энтузиазма, демонстранты с шестью красными знаменами * направляются по Николаевск. ул. Толпой руководил рабочий (он не арестован). Нигде по дороге не видно ни казаков ни городовых: последние разбежались при приближении демонстрантов.

Толпа все растет да растет. Полагаю, что в процессии по Николаевской ул. принимало участие до 10 тыс. челов., рабочих было от 3—5 тысяч. Состав толпы демократический, чем она резко отличается от толпы, наполнявшей улицы 2 марта. Циркулирующие по городу слухи, что будут стрелять, удержали любопытных в комнате. Демонстранты уже дошли до губерн. сада и думали уже рассеяться, но в это время взвод городовых преграждает им дорогу вытянутыми вперед обнаженными шашками, и сейчас же раздается один залп за другим; толпа рассыпается по соседним улицам. Оказывается, стреляли холостыми. Городовые и казаки начинают свою расправу над неуспевшими скрыться. Несколько десятков арестованных и 12 чел. раненых шашками. Нагайки казаков и кулаки и шашки городовых избивают усмиренного неприятеля. Но, повидимому, демонстранты счастливо избегнули страшного кровопролития. От главнокоманд. на Кавказе получен был приказ стрелять и дать такую острастку, чтобы «впредь не повадно было». Полиция, зная заранее план демонстрации, устроила засаду: казаки и полицейские должны были пропустить демонстрантов и выскочить только тогда, когда хвост демонстр. будет у Красного Креста; главное войско было под предводительством губернатора ниже губерн. сада у д. Арамянца; демонстранты оказались бы тогда запертыми — спереди пехотой, сзади казаками и полицией. Пехота должна была открыть огонь, заставить всю массу (кроме убитых!) повернуть назад, и здесь храбрые казаки ударили бы в нагайки. Можете себе представить, как хитрый полководец потирал руки от гениальности своего плана; но полицейский взвод поусердствовал немного и дал залп, когда передние ряды дошли до Кр. Креста, и тем расстроил весь план кампании, а губернатора лишил, вероятно, ордена и «сердечн. спасиба». В 5 ч. дня демонстрация повторилась в другом конце города — на Телеф., Станиславск., Балах. и Каспийск. ул. — с знаменами и песнями; там был убит городовой, ранен серьезно пристав (вчера говорили, что он умер), избиты городовые и шпики. Прибывшие казаки избили демонстрантов и публику, но в общем победа здесь осталась на стороне рабочих.

В Балаханах (промысловый район в 12 в. от Баку) в 7 ч. веч. возле Темфийск. стана было выкинуто знамя, возле которого собралось около 3-х тысяч человек; демонстр. с песнями направились к вокзалу, прошли одну улицу и хотели было уже рассеяться, как из засады выскочили казаки; они были встречены градом камней; полицмейстер, получив удар камнем, ускакал, а казаки, не предупредивши толпу, открыли огонь; демонстранты рассыпались по соседним дворам и промыслам, оставив на месте 5 чел. ранен. и одного убитого. В городе во время демонстрации на Николаевск. ул. был схвачен полицейским один знаменосец; по словам пристава, никакими усилиями нельзя было его заставить выпустить знамя, и только когда они шашкой нанесли ему несколько ран на руке они могли воспользоваться добычей. 18 апреля наборщики праздновали первое мая, так что ни одна газета не вышла 19-го.

(Файнберг)

К у т а и с. (Из частного письма.) Ты не можешь себе представить, что происходит теперь на Кавказе. Скажу о том, что я вижу и слышу в Кутаисе... Все готовятся к 1-му мая, — говорят, что будет «бунт». Особенно об этом говорят чиновники и больше всех их жены; они думают, что хотят избить чиновников и богачей. Такое заключение они выводят из разбрасываемых по городу в присутственных местах и рассылаемых разным лицам прокламаций. Трусливая фантазия чиновников и купцов рисует многое, чего никогда наверное не снилось нигде манифестантам. Говорят, что 1 мая должны быть большие манифестации во всех крупных центрах Кавказа. 18 апреля была манифестация и столкновение с полицией в сел. Кулаши (Кут. губ.). В Гурии (Кут. губ.) крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатывают только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку в духе Толстого. Губернатор ездил уговаривать крестьян, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улице играют в «бунт». Вообще мы быстро двигаемся вперед.

Р о с т о в - н/Д. Не везет нашей полиции! Только что улеглось волнение после неожиданной удачной демонстрации 2 марта, как снова полиция очутилась в дураках. В ночь под 26-ое на Темернике, в самом городе, на Верхней улице, состоялась сходка с целью обсуждения демонстрации 1 мая. Присутствовали около 200—250 человек. Ярко освещала луна ряды рабочих, расположившихся полукругом: на светлом фоне выпукло выделялась фигура оратора, могучий голос которого разносился во все стороны. Он говорил о празднике 1 мая, о его значении, развивал план демонстрации; он призывал рабочих Владикавказской дороги быть в первых рядах демонстрантов. После короткой речи подняли флаг и с пением «Марсельезы» прошли по всей Верхней улице.

Снова оратор остановил демонстрантов, снова призывал их к борьбе с правительством. И еще два раза пошли демонстранты, распевая «Варшавянку».

В заключение оратор упомянул о том, что полиция хочет опозорить праздник первого мая еврейскими погромами, и призывал рабочих защищать евреев. «Смерть ворам и убийцам!» — такими словами рабочие выразили свое отношение к погромщикам.

Так разошлись.

В это время в городе была тревога. Из театра вызвали всех властей, пролетели казаки, (кажется) двинули пехоту, но на Темернике все уже было тихо.

В городе масса толков и слухов; обывательская фантазия разыгралась.

Характерен для понимания движения правительством тот факт, что при первой тревоге раньше всего занялись охраной отделения Государственного банка.

---

* Остальные четыре были подняты при соединении двух групп демонстрантов.

Предмайская агитация идет усиленно! За апрель месяц выпущены следующие прокламации: 1) ответ на брошюру генерала Богдановича, 2) о социализме, 3) о политической свободе, 4) что такое демонстрация, 5) хроника борьбы с самодержавием, 6) к военным, 7) по поводу кишиневского погрома, 8) к береговым рабочим, 9, 10) майские листки Организационного Комитета и 11) (может быть) в день первого мая будет разбрасываться листок, выясняющий значение праздника.

Каждый листок выходит в количестве 5.000—6.000, кроме к военным (600) и к береговым рабочим (еще не вышел). Листки Организационного Комитета напечатаны в количестве 9.000 и 10.500. Частью разосланы в другие города (Таганрог и др.). Сильных провалов нет, аресты среди рабочих исключительно благодаря провокаторам (предполагают троих).

Из интеллигентов за апрель арестованы Итин и Щербинин. Обвинение пред'являют на основании положения об усиленной охране.

Николаев. Незадолго до 1 мая здесь были распространены предмайские и майские прокламации «Организационного Комитета». На всех крупных заводах решено было праздновать 1 мая однодневной забастовкой. Но еще до 1 мая здесь были распространены прокламации «Кишиневской Соц.-Дем. Орган.» о кишиневском погроме. Прокламация эта произвела на рабочих огромное впечатление. А тут еще в Николаеве начали распространяться слухи о готовящемся и здесь погроме. Полиция усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочих как на громил. Полиции очень хотелось каких-нибудь коллективных действий рабочих. Ей очень хотелось крови. Здесь еще свежо воспоминание погрома 1899 года, устроенного полицией. А что он был устроен тогда полицией, служит доказательством то, что еще задолго до него местный жандармский подполковник Дремлюга обещал, что евреи будут разгромлены.

В виду этого рабочие решили в день первого мая рассыпаться по городу и, если погром начнется, то из еврейского немедленно превратить его в погром полиции. Может быть кое-кому интересно будет знать, что рабочие здесь почти сплошь христиане.

Полиция начала готовиться к 1 мая. Днем и ночью дежурили батальоны в полной походной форме, готовые выступить против «внутреннего врага». Уже заранее было указано каждому офицеру, какое место в городе он должен занять. У самого большого завода — «Французского» была устроена полицией засада. Распространивши по городу слухи о том, что рабочие, празднуя 1 мая, хотят в этот день разгромить евреев, полиция этим старалась в глазах населения смешать рабочих с громилами и заслужить одобрение населения, если она, полиция, пустит в ход против рабочих военную силу в случае демонстративного празднования 1 мая.

И в публике упорно циркулировали слухи, что начальство против рабочих принимает меры, что празднующих рабочих будут увольнять с заводов, что градоначальник по самому малейшему поводу пустит в ход солдат.

Наступило 1 мая. Один из самых больших заводов на юге России, «Французский», не работал. Также совершенно не работал Черноморский завод. В мастерские Адмиралтейства не явилась половина рабочих. Перечисленные три завода—единственно большие здесь. Имеются еще несколько мелких заводов, но и там были празднующие. Город имел очень праздничный вид. Рабочие с самого утра разгуливали по городу, по бульвару. Днем рабочие собирались за городом. В одном месте одним рабочим была произнесена речь. Это первый случай празднования майского праздника большинством николаевских рабочих.

Вильно. Здесь в большом количестве были распространены майские листки Бунда и Польской Соц. Партии. Листки Орган. Комитета не успели распространить в большом количестве. Демонстрации не было. Охрана была невероятная. Были случаи, что люди не могли попасть в собственные квартиры: «не велено ни впускать ни выпускать», — говорили дворники. Последних снабдили дубинами. На Завальной ул. 19 апреля в 10 часов утра пыталась было собраться группа чел. в 30, но тотчас же прискакали казаки и разогнали.

Смоленск. 26 апр. рабочие (больше 300 ч.) собрались верст за 7 от города, в лесу, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; местными интеллигентами (членами Комитета) было произнесено несколько речей на различные темы (о первомайском празднике, о социализме, о политической свободе и т. п.).

Около часа, когда уже некоторые стали расходиться, собравшихся известили, что несколько человек арестовали на дороге. Публика была встревожена и стала расходиться по разным направлениям. Одна часть (86 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованных составляют еврейские рабочие, схвачен один гимназист. Никто, кроме гимназиста, еще не выпущен; у арестованных были произведены обыски, и вчера был допрос. Пока еще ничего неизвестно. Смоленск встревожен этим неслыханным здесь погромом. Полиция вся на ногах; некоторых интеллигентов губернатор высылает из Смоленска в глухие уездные города; выданы уже проходные свидетельства с требованием о немедленном выезде.

Либава. 17 апреля здесь распространен в 800 экземплярах майский листок на латышском языке; кроме него в 150 экз. листок на жаргоне — издание Бунда — и листок Организационного Комитета. В ночь с 30 на 31 марта здесь арестовано 20 человек, из них большинство выпущено уже; осталось в тюрьме всего семь лиц: портнихи Левинсон и Шлез и пять рабочих. Сидевший в местной тюрьме с сентября 1902 г. портной Медниц, арестованный на вокзале с 20 еврейскими прокламациями, переведен в Газенпотскую тюрьму — сырую, темную, вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОГРОМЫ.

Кишиневские ужасы на первое время смутили-было антисемитов. Они попробовали сделать вид, что и им не чужды человеческие чувства, что и они далеки от одобрения подвигов наемных убийц, обагривших улицы Кишинева кровью евреев, преданных властями. «Новое Время» — в виду нападок некоторых газет на Крушевана — заговорило даже о необходимости особой осторожности в такой момент, когда страсти возбуждены, о необходимости для печати содействовать «умиротворению». Старая лиса почуяла, что в русском и европейском обществе сочувствие жертвам и негодование против убийц достигло высокой степени, и постаралась сбросить с себя ответственность за случившееся.

Но в России общественное мнение ничего не значит перед «усмотрением» правительства. А правительство Плеве слишком незнакомо с тем, что называют стыдом и совестью, чтобы не попытаться помощью утроенной наглости скрыть факт своего позора. Перед лицом возмущенной Западной Европы Плеве выступил со своим «раз'яснением», которое по своей лживости, по своему провокаторскому характеру может фигурировать в первом ряду этого рода произведений «литературы».

Евреи первые начали драку 6 апреля, евреи первые ранили русского 7 апреля, — такова в изложении г. Плеве, согласно данным «расследования» обер-шпиона Лопухина[12] история погрома. И, вместе с приказанием, обращенным к властям — не допускать новых беспорядков, г. Плеве запрещает евреям вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнения в том, что правительство хочет новых погромов, г. Плеве дает предостережение «Праву» и «Восходу» за их статьи о кишиневских злодеяниях и приостанавливает розничную продажу «Новостей» и «Волыни».

Антисемитская пресса поспешила пойти навстречу столь ясно определившимся желаниям начальства. В номере от 9 мая «Новое Время» печатает провокаторскую корреспонденцию, в которой вся вина за погром сваливается на евреев: они грабят молдаван, они довели их до отчаяния, они нападали, они стреляли. Правда, они же и пострадали, но... все сведения об истязаниях, произведенных погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грудных младенца, но... но они убиты нечаянно собственными матерями, когда те спасались от толпы. Мы не шутим: так напечатано в «Новом Времени». Остается узнать, не сами ли евреи вбивали гвозди в черепа евреев, не они ли выкалывали глаза — всё случаи, официально засвидетельствованные врачами?

«Новое Время» сознательно готовит новые погромы, распространяя новую ложь. Шайке Суворины[13] и Крушевана мало кишиневских жертв: им нужны новые. А русское общество, к стыду своему, не сумело до сих пор уничтожить эту гнойную язву нашей жизни — продажную антисемитскую прессу. Русское общество вяло кое-где выражает свое отвращение к подвигам антисемитов, устраивающих погромы; на решительный протест его нехватает. Резолюция литераторов в Петербурге крайне бледна и тщательно прячет жало, направленное против правительства. И люди, которые в любом европейском городе не смели бы выйти на улицу, люди, с ног до головы обрызганные кровью, могут выступать с гордо поднятой головой.

Харьковские студенты и рабочие в свое время наказали реакционера Иозефовича; петербургское студенчество, а с ним и вся передовая интеллигенция в 1899 г. пригвоздили к позорному столбу того же Суворина, когда он выступил в роли защитника полицейской нагайки. Почему же теперь ничего не слышно ни о чем подобном? Почему Суворин и Крушеван еще не наказаны?

Кстати: правда ли, что в самое последнее время Крушеван получил 50.000 рублей казенной субсидии?

[Л. Мартов]

Правда ли это? В итальянской социалистической газете «Avanti» и в английском консервативном «Times» напечатано — со слов «одного русского корреспондента» — приводимое нами ниже «совершенно секретное» письмо Плеве к бессарабскому губернатору фон-Раабену.

Если сообщение это верно, — а мы не имели еще возможности проверить его достоверность, — то оно появилось очень кстати, в тот самый момент, когда русское правительство — этот зарвавшийся игрок — сделало попытку спутать карты европейского общественного мнения, уволив генерала фон-Раабена и таким образом свалив свою собственную ответственность на местную администрацию. В статье, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали истинного виновника дневного разбоя — русское центральное правительство. Приводимое нами письмо, помеченное 25 марта, т. е. составленное за две недели до погрома, является лучшим подтверждением высказанного нами обвинения. Дух Плеве или — по не лишенному остроумия выражению кронштадтского «чудотворца» Иоанна (см. письмо, напечатанное в «Новостях») — «дух дьявола» царил над толпою кишиневских убийц, и рука его, обагренная кровью златоустовских, тихорецких и других бесчисленных жертв, милосердно опускалась перед теми, кто замучивал еврейских детей и насиловал еврейских женщин. Почему? В ответ на этот вопрос небольшую частицу правды выбалтывает теперь «совершенно секретное» письмо фон-Раабену. Мы даем перевод этого письма с английского текста газеты «Times»:

Мин. Вн. Дел. № 341.
Канцелярия министра. Совершенно секретно.
25 марта 1903 г.

Г. бессарабскому губернатору.

До сведения моего дошло, что во вверенной вам губернии готовятся обширные беспорядки, направленные против евреев, главным образом, эксплоатирующих местное население. В виду всеобщего беспокойного настроения городского населения, ищущего исхода, а также и в виду того обстоятельства, что, несомненно, нежелательно слишком строгими мерами вселить враждебные правительству чувства в незатронутое еще (революционной) пропагандой население, ваше превосходительство не преминете прибегнуть, для немедленного прекращения возможных беспорядков, к мерам увещания, отнюдь однако не обращаясь к оружию.

В. Плеве.

Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства.

За две недели до событий содержатель трактира «Москва» Алексей Григорьев получил анонимное письмо с требованием распространить прокламации, которые ему будут скоро доставлены, иначе он будет убит; за неделю до Пасхи эти направленные против евреев прокламации ему были доставлены, и он распространил их среди посетителей трактира. Прокламации, надо полагать, напечатаны в типографии «Бессарабца». Хотя губернатору и заявлялось об этом, но трактир был закрыт полицией только на первые три дня Пасхи.

Из числа интеллигентов, руководивших громилами, упоминают еще инженера Балинского, студента Малая, двух гимназистов Львовых с отцом — смотрителем военного госпиталя.

Начальник охраны жандарм барон Левенталь заявил: «Этим погромом русский народ (!) ответил на еврейский социализм». Говорят, что командир корпуса Мылов, посетив Кишинев, резко порицал офицеров за их поведение. Следствие ведется следователями Фрейгангом и Давидовичем самым пристрастным образом: они отказываются записывать в протоколы показания потерпевших против должностных лиц; поэтому избитые отказываются от дачи показаний.

Еще до погрома в Кишиневе полиция в гор. Аккермане собирала с евреев деньги на охрану их в случае погрома. Собрано до 2.000 рублей.

В гор. Бельцах на Пасху на заборах появилась прокламация, звавшая «бить жидов, пьющих кровь народа».

[Л. Мартов]

Киев, апрель. Киев в административном отношении находится сейчас в полной анархии, что — в виду хаотических слухов, паники, путаницы понятий и отношений — еще более затрудняет положение вещей. Драгомиров, го-

ворят, выезжает из Петербурга 18-го или 20-го, Трепов назначен сенатором и свои полномочия передал барону Штакельбергу (вицегубернатор, круглый дурак, специалист по порке крестьян), так что, вероятно, вершить все будет из подполья Новицкий, а на улице полицмейстер Цихоцкий (двоюродный брат балерины Кшесинской). Евреи посылали депутацию: 1) к Новицкому с просьбою предупредить погром; ответил: «Вам известно, что 20-го назначена демонстрация. Если в ней не примут участия евреи, ни один волос не упадет с их головы; если примут — я не дам ни одного городового в их защиту»; 2) к Штакельбергу; тот ответил: «Во всяком случае мы не допустим погрома до таких размеров, как в Кишиневе»; 3) к Цихоцкому; тот сказал: «Если евреи сами не будут защищаться, полиция их защитит». Богатые евреи с Александровской улицы (Подол — торговые еврейские кварталы, где ютятся во множестве киевские еврейские ремесленники, где больше всего и босяков) поднесли приставу Подольского участка несколько тысяч рублей с просьбой не допустить погрома. Тот деньги положил в карман и говорит: «При теперешних обстоятельствах я ни за что во вверенном мне участке не могу ручаться. Во всяком случае советую вам три дня не выходить на улицу». До чего в виду сказанного доходит паника, можно судить по следующему: в Коммерческом банке имеются особые именные ящики в несгораемых шкафах для хранения ценных бумаг — ящики, обычно пустующие. Директор банка говорил вчера, что теперь они не только заняты собственниками, но что последние продают своим соплеменникам углы в ящиках. У ломбардов позавчера были густые толпы еврейской бедноты, стягивавшей туда свои пожитки на сохранение; бросалось в глаза обилие швейных машин. Молодежь еврейская устроила «временный комитет самозащиты и самообороны», просит демонстраций не устраивать. Насчитывает говорят, в своих рядах до 900 челов.; вооружились. Среди учащихся многие вообще запаслись револьверами — «на всякий случай». Аресты ежедневные на улицах, по домам. Позавчера ночью арестована рабочая сходка, вчера — вечеринка интеллигентов (50 чел.). В лесу захватили шесть рабочих собраний.

Киев. Как сообщалось в прошлом номере, Комитет отменил назначенную на 20 апреля демонстрацию, так как узнал, что полиция готовит на этот день погром евреев. В изданной 27 апреля прокламации «Почему была отменена демонстрация 20 апреля?» Комитет рассказывает о том, как полиция распространяет слухи о готовящемся погроме. Между прочим «на Пристани и на Крещатике распространялись брошюры, в которых на евреев возводятся всякие небылицы, причем распространявший их агент религиозно-просветительного общества выкрикивал: „средство от жидов!"».

Пристав Подольского участка и полицмейстер Цихоцкий получили от еврейской буржуазии крупные взятки. Полицмейстер принял «мзду» под предлогом употребления поднесенных ему денег (от 6 до 10 тысяч) «на усиление штата полиции». Констатируя, что самодержавие отказывает евреям в охране их элементарнейших прав, Комитет пригласил всех граждан выразить свой протест против правительственного антисемитизма участием в майской демонстрации, которую он перенес на 4 мая.

Комитет сообщает нам, что его агитация против политики «погромов» принесла плоды. «Все еврейское население, что ни час, революционизируется. Спрос на наши листки о погромах громадный. Некоторые, даже мирные евреи хранят их как святыню». Прокламации о кишиневских зверствах и отмене демонстрации в один день разлетелись по городу. Комитетская типография издала их три тысячи, но они переиздавались «Комитетом самообороны», который для этого работал в четыре смены.

Насколько нам известно, помещенные в № 23 «Рев. Росс.» нападки на Комитет за отсрочку демонстрации лишены всякого основания и лишний раз свидетельствуют о недобросовестности столь же бессильной, сколько и претенциозной «партии».

Одесса. Погром в Кишиневе страшно поразил всех. К чести еврейской молодежи, нужно сказать, что она готовилась постоять за себя в Одессе и, нужно полагать, постояла бы. Жаль только, что «Комитет национальной обороны» воспользовался для своих целей помещениями, отведенными полицией для «независимых». Сионисты на почве погрома усиленно зовут в Палестину, отвлекая евреев от борьбы с самодержавием. Местный Комитет Росс. С.-Д. Р. П. выпустил прокламацию о погроме «К обществу» в 2.500 экз.; половина их была разбросана перед театрами. Кроме того, о погроме была выпущена прокламация к массе в 3.000 экз. Несомненно, погром сыграл огромную агитационную роль. Всюду только и говорят о преступлениях полиции и правительства.

Ялта, 30 апреля. Ходят упорные слухи о предстоящем в мае месяце еврейском погроме. Семейств тридцать зажиточных евреев покинуло уже город. Еврейская мелкота, не имеющая возможности следовать за богатыми, живет в непрерывном страхе, неуверенная, что первый встречный уличный мальчишка, которому придет в голову фантазия бросить в еврея камнем, не подаст сигнала к поголовному избиению. Насколько напряжена атмосфера, показывает такой факт: проходят по городу местные солдаты, и сейчас же разносится слух, что на случай погрома прибыли войска — то из Севастополя, то из Феодосии.

С.-Петербург. 18 апреля в Доме предварительного заключения около 12 часов дня все политические заключенные вывесили в окнах знамена, и вся тюрьма огласилась пением «Варшавянки», а затем «Марсельезы». Начальство совершенно переполошилось, выбежало на двор, не зная, какие меры принять против демонстрантов. После пения раздались крики: «Да здравствует 1 мая!», «Долой самодержавие!» и прочие революционные возгласы, покрытые восторженными «ура» не только политических, но и уголовных. Вечером того же дня после молитвы уголовных снова были выкинуты знамена, причем все окна были освещены свечами (своего рода иллюминация), и снова политические запели «Марсельезу» и «Варшавянку», раздались снова революционные возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» и пр. На следующий день тюремное начальство известило жандармов, по распоряжению которых большинство политических лишено свиданий, переписки на месяц. Всех заключенных (политич.) насчитывается до 150 человек; 22 апреля выпущены взятые по делу «Искры» в ноябре: Шапошникова, Городинский, Шнеерсон (был привезен из Киева), а раньше Левитская, Краснуха.

Петербург. 14 апреля на Петербургской стороне по Больш. проспекту, д. № 67, на кв. медички Барановой арестовано около 25 чел. Среди арестованных большинство медичек, 4 рабочих: Богданов, Коркин, Янкельсон, Авильянов, ст. Дюбуа, служащая в о-ве «Надежда» Шнеерсон Ф., Д. Шнеерсон, курсистки: Денисова, Соболева, Косач и др. Полиция хватала всех, кто только поднимался по этой лестнице: напр., взяли какого-то суб'екта, шедшего из бани, женщину с ребенком, из любопытства заглянувшую. Аресты не прекращаются. На-днях арестованы две сестры Дмитриевы — лесгафтички, шесть студ.-технологов, рабочий Стернин. Взяты две типографии.

В городе ходят слухи о несостоявшемся покушении на Николая. Рассказывают, что какой-то студент поджидал

---

* От ред. Кстати о сионистах: нам сообщают, что эти господа уклонились от участия в митинге, созванном парижскими профессорами в целях протеста против кишиневских зверств. Мотивировка: они не желают портить своих отношений с правительством российского султана. Парижские сионисты оказались в хорошей компании: либеральные профессора «Высшей русской школы» тоже не приняли участия в этом митинге. Мотивы, конечно, столь же шкурного свойства.

его на Екатерининском канале, но шпион обратил на него внимание и отобрал револьвер. За достоверность не ручаюсь. Не полиция ли распространяет подобные слухи перед 1 мая?

Москва. Русское правительство с постоянством, достойным лучшей участи, проявляет свое «сердечное» отношение к учащейся молодежи. Под шумок бесконечных разговоров всяких комиссий и подкомиссий о школьной реформе правительство исподволь «реформирует» те учебные заведения, организация коих не соответствует его зубатовским требованиям. Как образчик того, чего может ждать в этом направлении русское общество, сообщаем следующий проверенный факт. Существует в Москве школа садоводства при даче Студенец, много лет тому назад пожертвованной царем в вечную собственность Российскому Обществу Садоводства. По высочайше утвержденному уставу этой школы директор ее каждое трехлетие избирался советом Р-ого О-ва С., директор с утверждения совета (совет тоже избирается членами Общества) назначал инспектора, который от себя приглашал преподавателей. При такой организации школа эта, причисленная к разряду низших учебн. заведений, но насчитывавшая среди своих воспитанников немало молодых людей в призывном возрасте, была свободна от замораживающего влияния учебного округа и с появлением в среде преподавателей людей с передовыми взглядами стала быстро развиваться. В течение нескольких лет прежде отупелые, совершенно невежественные ученики, оканчивающие пятилетний курс школы чуть ли не безграмотными, изменились до неузнаваемости: установилось вполне доверчивое отношение их к лучшим преподавателям, с неудержимой силой пробудился в них интерес к вопросам науки и общественной жизни, и мало-по-малу лучшие ученики активно примкнули к разным фракциям того общественного передового движения, которое за последние годы широкой волной охватило Россию. Как водится, с первыми ростками новой жизни в школу проникли и сыщики. Сначала их стали замечать во дворе и в саду школы, затем распространились слухи, что они проникли и в среду учеников. Подозрение высказывалось против ученика Румянцева на том основании, что он поддерживал оживленные сношения со своим дядей, который состоит агентом охранного отделения. Других доказательств его виновности добыть не удалось. Как бы то ни было, но с весны 1902 г. для школы наступило тяжелое время. Началось с своевременно сообщенного ареста преподавателя С. И. Опенченки. С этим временем совпала начатая друзьями школы в Р. Общ. С. выборная агитация против прежнего консервативного совета, тормозившего развитие школы. Агитация эта закончилась победой либеральной партии и переменой всего состава совета; директором школы был избран проф. моск. с.-хоз. института С. И. Ростовцев, вицедиректором присяжн. поверенн. А. Н. Марков. Очень спешно был произведен выпуск учеников 1902 года, чтобы дать возможность закончить курс ученикам, над которыми собиралась гроза. Успели как раз во-время, так как вскоре после экзаменов несколько садоводов выпуска 1902 г. были арестованы (Никифоров и др.) и высланы из Москвы. Но и этим не ограничилось правительство, не оставлявшее с тех пор школы своим милостивым вниманием. Был произведен повальный обыск в пансионе школы, в классах, учительской комнате и по всей площади сада, но ничего найдено не было. Во время обыска и на допросе ученики, даже младшие, держали себя молодцами. На вопрос жандармов, куда чаще всего ходили выпускные ученики, малыши указали им на прилегающие к саду давно заброшенные каменоломни, где ученики летом устроили себе отхожее место. Жандармы бросились туда, стали рыться под камнями и были очень неприятно поражены находкой. Затем стали тягать учеников на допросы. Но так как жандармы, не доверявшие воспитателям, доставляли повестки непосредственно ученикам и обязывали молчанием перед учебным начальством, то директор, ссылаясь на устав школы, по коему ученики не имеют права выходить из пансиона без особого всякий раз разрешения инспектора, своей властью прекратил это хождение учеников на допросы. Далее по настоянию жандармов были уволены из школы 3 ученика, но, благодаря заступничеству директора, они вскоре были приняты обратно. На нападки жандармов ученики ответили демонстрацией: были изрезаны и перепачканы царские портреты в рекреационном зале. Тогда, очевидно, решено было приняться за школу во-всю. В январе было получено распоряжение об увольнении немедленном всего штата преподавателей и замене его новым (кроме директора и инспектора). Наконец, в конце февраля с. г. президент Р. Общ. С. Цабель, созвав экстренное собрание совета Общества, об'явил ему, что в соседней комнате сидит чиновник особых поручений от Протасова-Бахметева, привезший с собою проект нового устава школы с требованием утвердить его. Проект уничтожал в школе всякие следы самоуправления и передавал школу в ведение учреждений Марии Федоровны. На предложение Цабеля члены совета, преимущественно немцы-садоводы, ответили горячим протестом. Присяжный поверенный Марков в своей страстной речи напомнил собранию, что совет существует для свободного суждения о нуждах Общества, а не для подписания того, что прикажет свыше начальство, которое, если хочет, может отнять у Общества привилегии, но подписание самому себе смертного приговора несовместимо с достоинством Общества. Совет громадным большинством отверг проект. Чиновник особых поручений немедленно уехал обратно в Петербург, и через две недели было получено следующее административное распоряжение: 1) высочайше пожалованная дача Студенец вместе со школой отбираются в ведение учреждений Марии Федоровны, за Обществом оставляется лишь право избрания попечительного совета о школе, т. е. благотворительного учреждения; 2) директор отныне не избирается, а назначается ведомством учрежд. М. Ф., им же утверждаются и учителя школы; 3) в текущем году ученики двух старших (4-го и 5-го) классов выпускаются одновременно без дипломов; дипломы могут быть ими получены: первыми — через два года, а вторыми — через год, если они представят к тому времени свидетельство о благонадежности от полиции, удостоверение от садового заведения о том, что они все это время практически занимались садоводством, и аттестат о хорошем поведении от хозяев; в противном случае они лишаются дипломов. Для выяснения всей гнусности последнего распоряжения необходимо еще указать, что большинство кончающих эту школу обыкновенно садоводством не занимаются, а продолжают свое образование в других учебных заведениях или сдают экзамены на звание учителя. Практическую подготовку они уже получили: каникул в этой школе нет, все лето ученики работают в саду школы, а зимою в оранжереях; принимают и заказы на работы в чужих садах. В довершение всего носятся упорные слухи, что будут распущены и все ученики младших трех классов, а осенью будет произведен новый прием учеников — совсем как при разжаловании впавшего в немилость полка. Такие проявления самодержавного самодурства большей частью проходят незамеченными, так как совершаются они под сурдинку, особенно когда гнев обрушивается на безответную низшую школу. Считаем нравственным долгом своим доводить о подобных фактах до сведения русского общества, чтобы оно воочию убедилось, как русский царь любит и отечески печется о детях своих верноподданных.

Москва. Сообщу вам последнюю милость властей к изгнанным из Сибири студентам (им запрещено проживать в пределах ее). К сожалению, не могу списать дословно (слишком много сердечного попечения) и потому передаю самую суть подлинника.

Властями замечено, что возвращенные высочайшим распоряжением и расселенные вокруг Москвы (как волки вокруг овчарни) постоянно являются туда, проживают и ведут агитацию «с целью вновь устроить беспорядки на политической почве». Посему приказывается местным властям неослабно следить за оными агитаторами и о выезде их сообщать немедленно, по возможности — телеграммой. Московским же властям считать их появление достаточным основанием для ареста и заключения.

Дальше приложен список непринятых в университет и возвращенных из Сибири, всего человек триста. В Москве

арестовали 12 января возвратившегося студента Карякина и только что выпустили на поруки под большой залог (5.000 р.). Говорят, еще арестован возвращенный прис. повер. Волков. Арестовали студ. Карпачева, тоже возвращенного и принятого в университет, — но выпустили. Вот вам и милость царская — зачешешься!

Еще надо прибавить, что полиции не особенно-то удается ее система, а то еще много уехало бы «на дачу».

Уже два раза провокаторы старались устроить беспорядки, понимая, конечно, что они вышли бы мизерными и полиции можно было бы проявить свою распорядительность.

Появились «охранные» прокламации преступного содержания — первый раз перед 19 февраля (сопровождались арестами). Другой раз они приглашали на сходку в среду 27 февраля (?), чтобы поддержать петербуржцев, заявивших, что теперь учиться невозможно.

Прокламация подписана N-ским землячеством, которого при расследовании и подлежащем рассмотрении не оказалось.

На сходку явилось около 50 человек, и, — несмотря на усиленное приглашение неизвестных студентов во что бы то ни стало устроить беспорядок и несмотря на все обвинения в трусости, — сходка разошлась мирно. Очевидно, полиция думала, что при теперешнем настроении ей легко заметить всех главарей (а их-то на ее разочарование и не было).

Начальство старается! Копия с секретного письма начальника штаба Кавказского военного округа наказному атаману Кубанского казачьего войска от 26 февраля 1903 года за № 639.

Военный министр в письме своем к командующему войсками округа от 21 января с. г. за № 62 сообщил мне нижеследующее:

«По полученным из Департамента Полиции сведениям, за последнее время наблюдается усиленное стремление со стороны разных революционных групп к организации противоправительственной пропаганды в войсках. Последняя выражается в попытках распространения среди солдат и других военных чинов нелегальных изданий, которые для этой цели рассылаются в войсковые части по почте или, что наблюдается гораздо чаще, подбрасываются в казармы, дворы при них и другие места, находящиеся в исключительном ведении военного начальства.

«Однако, несмотря на принимаемые чинами Отдельного Корпуса Жандармов весьма энергичные меры к раз'яснению подобных событий, дознания о распространении революционных изданий в войсках обыкновенно прекращаются за необнаружением виновных. По имеющимся в Департаменте Полиции сведениям, в числе причин, вызывающих такой нежелательный исход дел, немаловажное место занимают некоторые обстоятельства, устранение которых зависит от самого военного ведомства.

«Из числа указанных обстоятельств прежде всего обращает внимание медленность, иногда весьма значительная, в уведомлении чинов Корпуса Жандармов военными властями о случаях обнаружения в местах их исключительного ведения преступных по содержанию сочинений. Такая медленность происходит очень часто вследствие того, что местное военное начальство производит — вопреки 1035 12/13 ст. Уст. Угол. Судопр. — своими средствами расследование, которое затем передается в надлежащее жандармское управление, иногда же об'ясняется тем обстоятельством, что нижние чины не всегда своевременно доносят кому следует о найденных ими нелегальных изданиях. При этом нельзя не упомянуть, что начальники некоторых воинских частей, из боязни скомпрометировать свою часть, намеренно скрывают и уничтожают находимые в подведомственных им местах революционные листки, прокламации и т. п. Далее, при производстве некоторых дознаний было установлено, что распространение нелегальных изданий можно было бы предупредить, если бы вездѣ признавалось одинаково необходимым иметь сменных дневальных при входах в казарменные дворы и вообще в места, служащие исключительно для военного ведомства. Наконец, представляется весьма желательным установление особо тщательного надзора за помещениями, где находятся нижние чины из евреев, а равно и за вещами последних, так как практика показывает, что эти солдаты поддерживают обыкновенно сношения с местным еврейским населением, из среды которого выходит вообще не мало лиц, занимающихся революционной пропагандой. Вследствие вышеизложенного, военный министр приказал подтвердить, в интересах ограждения армии от преступной пропаганды, по войскам округа: 1) чтобы начальники отдельных частей отнюдь, под опасением строгой ответственности, не позволяли себе уничтожать или каким-либо образом скрывать от надлежащих властей находимые в подведомственных им местах революционные листки и вообще издания нелегального характера; 2) чтобы о случаях обнаружения в местах, состоящих в их исключительном ведении, преступных по содержанию сочинений они без всякого замедления сообщали бы подлежащим чинам Отдельного Корпуса Жандармов, так как по закону производство дознаний по государственным преступлениям за исключением лишь случаев, точно указанных ст. 1035/12 Уст. Угол. Судопр. возлагается именно на офицеров этого корпуса; 3) чтобы нижним чинам вновь была подтверждена и постоянно напоминаема обязанность их немедленно представлять по начальству все находимые ими нелегальные издания; 4) чтобы при всех входах в казарменные дворы и вообще в места, находящиеся в исключительном ведении военного начальства, были наряжаемы дневальные из расторопных и грамотных нижних чинов, на обязанности которых лежало бы следить за всеми отдельными лицами, входящими и выходящими из этих дворов и помещений, опрашивать, буде встретится в том надобность, о звании их, о цели прихода, с отметкою о том, а также о времени их прихода и ухода в особую книгу, представляемую ежедневно дежурному по части офицеру; 5) чтобы ближайшее начальство за нижними чинами из евреев и их вещами, в виду обстоятельств, указываемых в сообщении Департамента Полиции, имело особо тщательный и неослабный, хотя и негласный надзор.

«Обо всем вышеизложенном имею честь сообщить, по приказанию командующего войсками округа, вашему превосходительству для зависящих распоряжений о неуклонном исполнении всеми начальствующими лицами вышеприведенных мер, предписанных его превосходительством военным министром».

К пропаганде в армии. За подписью «офицера русской армии» нам прислано сообщение о том, что в марте в Киеве была распространена гектографированная прокламация «К русским офицерам». Прокламация обращает внимание офицеров на недостойность их положения «усмирителей» освободительного движения. Прокламация подписана «Союзом для пропаганды в войске».

Красноярск, апрель 1903 г. Вакханалия полицейской и жандармской разнузданности в нашем городе все продолжается и растет.

В марте нас осчастливил своим приездом фон-Валь, явившийся для личного расследования томского побоища и совершивший, воспользовавшись случаем, экскурсию по Сибири. Следы этого проезда сказались в Красноярске усиленной погоней за «революционными бациллами». А так как здешние специалисты весьма еще плохо осведомлены в бактериологии, то естественно, что они по глупости хватают первых попавшихся им лиц...

Вскоре после последних мартовских арестов и обысков, приехал в Красноярск прокурор судебной палаты Яраков. Этот выученик школы гг. Муравьева-Плеве решил навести окончательно ужас на город и «революционеров». Он распорядился об аресте ссыльного Икова, у которого нашли одну прокламацию; он призвал к допросу фельдшерицу, у которой нашли текст адреса томичам, причем был до крайности груб («вы все врете», «плетете чорт знает что» и пр. милые выражения так и сыпались с уст г. прокурора); невесте Икова, пришедшей узнать об участи жениха, г. Яраков тоже наговорил дерзостей, заявил, что школа распущена, что он приехал «подтянуть» и пр. и пр. Эта поучительная поездка немедленно дало плоды.

25 марта вечером идет по улице один здешний рабочий. Вдруг слышит сзади крик, шум. Оглядывается:

к нему бежит какая-то фигура, которая в нескольких шагах от него стреляет в воздух и свистит. Это — пикетчик. На его свист и выстрел сбегаются другие стражи: парня арестуют, приводят в участок. Пикетчик пред'являет две прокламации, найденные им на улице, и об'ясняет, что, хотя он и не видел, чтобы арестованный бросил эти прокламации, но так как было поздно, а он шел по улице, то пикетчик представил его в участок. Рабочего привлекают к дознанию в порядке 251 ст. и отправляют в тюрьму, где, за неимением места, его помещают вместе с уголовными, отбирают его платье, одевают в арестантский костюм и пр.! Тут ясно сказывается дух фон-валевской политики в Вильно и Зап. крае вообще, когда сторожа и городовые из-за награды хватали всех на улице и тащили в участок как распространителей прокламаций. Ни при личном ни при домашнем обыске у арестованного ничего не нашли. Но так как он в прошлом году привлекался по той же статье (дело его еще не решено в Питере), то его и теперь держат...

В начале апреля арестуют фельдшерицу Натанзон, уже находившуюся под следствием по 251 ст. Новое обвинение (по той же статье) основывают на том, что она будто бы отправляла с вокзала в Читу и Омск посылки, которые при вскрытии (!) оказались с прокламациями. Пред'явили ее свидетелям (жандармам, конторщикам и проч.). Говорят: «Не она». Тогда жандармерия, воспользовавшись тем, что в городе есть ссыльная Аркусская, очень похожая лицом на фельдшерицу, освобождает последнюю и арестует Аркусскую. Свидетели расходятся в показаниях, тот говорит «она», другой «не она», третий «похожа» и т. д. и т. д. Но ее оставили в тюрьме и привлекли по 251 ст. 2-ой части. Зачем? Почему? Разве потерявшие голову холопы азиатского самодержавия отдают отчет в своих поступках? На вокзале они арестуют и обыскивают бывшего ссыльного, приехавшего откуда-то в Красноярск, ничего не находят и отпускают. Зачем это сделали? Наверное, сам жандармский ротмистр не знает: просто в его отупевшую голову залетела шальная мысль: «дай, дескать, обыщу», — и обыскал.

«Ну, а что же общество? Что делает дирекция школы, над ученицами которой так безнаказанно издеваются представители прокуратуры с г. Яраковым во главе и жандармерия с ротмистром Шпарковским под началом?» О! обществу за этот месяц было много работы: оно усиленно под шумок сплетничало, создавало целые легенды, уверяло пресерьезно, что «типография» — в фельдшерской школе (к удивлению, это не ирония над полицией, а серьезное убеждение всех либеральных кумушек местного «культурного» общества!) и т. д. и т. д. «Общество», поверившее вместе с г. полицмейстером, об'явившим после манифеста 26 февраля об издании русской конституционной хартии, о скором водворении «гарантии личности», это общество, увидав, что основы русской конституции — плеть и застенок, конечно, струсило и начало показывать кукиш в кармане. Гг. врачи и дирекция школы, конечно, лишь выдали себе testimonium paupertatis (свидетельство о бедности)! Они трепетали за школу, забыв о привлекаемых ученицах, сидящих по участкам, и пр. То, что страдают девушки, ни за что ни про что попадающие в тюрьмы, что гибнут молодые силы, — это до них не касается! Либерал всегда любит делать так, чтобы его карман и его репутация благонамеренного фрондера оставались целы! Конечно, о каком-либо протесте никто и не заикнулся; среди всеобщего трепета («а вдруг и меня в часть?») спокойно распоряжались гг. Яраковы, Шпарковские и прочие гады нашего государственного болота. Пусть бы дело шло только об арестах среди ссыльных: «чужестранцы» — действительно чужды даже наиболее либеральным кумушкам (в Ачинске от ссыльной девушки перебегали на другую сторону, затворяли двери дома ачинские столпы либерализма); но дело идет о дочерях и сыновьях этого общества! Комитет настоятельно призывал все обшество прийти на помощь революционному движению рабочих. Общество ясно доказало свое банкротство и неимение самых элементарных понятий о чести, достоинстве и т. д. Оно в бесконечный раз выдало наиболее молодых и лучших своих членов гг. гасителям мысли и слова в России.

Астрахань. Педагоги-сыщики. При местном управлении калмыцким народом есть пансион, в котором заботливое правительство призревает обучающихся в городе детей калмыков-кочевников. Кроме старших воспитанников — учеников гимназии и реального училища, есть и малыши, для которых здесь построено училище. Пансионом и училищем заведует некто Авров, бывший классный наздиратель реального училища. Этот господин, отличавшийся на прежнем поприще склонностью к сыску и доносам, устроил для своих питомцев такой режим, который довел их до открытого протеста. Скаредное и унизительное для мальчиков оберегание каждого карандаша и листа бумаги, «экономия» на обеде воспитанников, грубое и презрительное обращение, а с наиболее беззащитными — маленькими — и ручная расправа, — в таких формах проявилось здесь «сердечное попечение». Все это было поставлено на вид г. Аврову в письме, поданном ему прямо и открыто одним из пансионеров с подписью: «Все». Юные мечтатели оптимистически рассчитывали, что, выяснив надзирателю его негодность, они заставят его уйти. Но гг. Авровы стыда не знают. Письмо передано по инстанциям с подлежащими комментариями «главному попечителю калмыцкого народа» местному губернатору Газенкампфу. Тот поручает одному из чиновников управления Сусскому произвести дознание о бунте в стенах пансиона, и на основании составленного доклада (образ Аврова, по данным доклада, конечно, сиял белее и чище мела, а мальчики рисовались злостными бунтовщиками) последовала попечительская резолюция: двух гимназистов, выставленных организаторами «бунта» (писавшего письмо и подавшего), исключить не только из пансиона, но и из гимназии. Только вмешательство гимназического начальства, возмутившегося, что его учеников исключают без его согласия, смягчило участь обреченных, и полное исключение было заменено временным и ссылкой в степь под надзор местного попечительства. Среди гимназистов, русских товарищей ссылаемых, явилась-было мысль вступиться за товарищей и отправить депутацию к губернатору, но мысль эта заглохла, также и намерение поднести опальным в знак сочувствия фотографическую группу. Начальство раз'яснило гимназистам, что ценит их сочувственное отношение к товарищам, но отношение это может быть «дурно истолковано». В настоящее время один из «преступников» уже водворен в новом месте жительства, высылка другого — 14-15-летнего мальчика — отложена за его болезнью. Отосланный в степь был аттестован губернатору директором как один из лучших учеников, никогда не проявлявший бунтарских наклонностей, притом как талантливый музыкант (крупная сила, по отзыву музыкального училища).

Тифлис. Неспокойное настроение отразилось и на наших среднеучебных заведениях. Поводом послужило какое-то требование учащихся 1-й мужской класс. гимназии министерского праздника, которое выразилось очень буйно: били скамьи, стекла; в результате 6 чел. уволены из гимназии. Ученический кружок стал выпускать листки, требуя возвращения товарищей. Услужливое жандармское управление пришло на помощь «воспитателям»: начались повальные обыски среди гимназистов, находили у многих прокламации «К гражданам». И вот «враги отечества», «нарушители общественного порядка и спокойствия», гимназисты 4—5 класса сажаются в Метехский замок, запугиваются всеми средствами, имеющимися в руках жандармов; часть выпускают, другая занимает их места.

А «воспитатели» не только не стесняются, но даже усиленно помогают в плодотворных трудах жандармскому управлению. Да и кто эти воспитатели? Характеристика их приблизительно известна многим по характеристике учителя В. В. Агапьева и в прокламации прошлого года; можно дополнить ее указанием на плодотворную деятельность директора Александровского учительского института Стрелецкого, который делал обыски на квартирах учеников вместе с жандармским полковником. В 1-й мужской гимназии учитель древних языков Соловьев посвятил целый урок в 7-м классе восхвалению действий администрации, с восхищением описывал, как городовые били одну

из участниц демонстрации, молодую девушку, старался внушить своим слушателям преклонение перед идеей власти и указывал на себя, в каком священном трепете находился он, видя, как Александр III милостиво разговаривал с его отцом. Вообще эта гимназия замечательна своим подбором педагогов.

Учитель русского языка Забежкин попал в литературу за довольно странное упражнение: он учил учеников (русских) дразнить воспитанников-армян по-латыни (армяшка соленый). В армянской газете «Ардзаган» описывали воспитательные приемы Забежкина под видом корреспонденции из Ростова. За такое разоблачение газета поплатилась. Забежкин преподает словесность в тифлисском землемерном училище. В марте месяце, войдя в старший класс на один из своих уроков, Забежкин заметил в классе волнение; он сел на кафедру и приготовился начать урок. Один из учеников поднялся, подошел к кафедре и стал перечислять все «достоинства» Забежкина как преподавателя и человека. Забежкин выбежал из класса, позвал директора и об'явил ему, что оставляет учебное заведение, не обращая внимания на усиленные просьбы последнего. Следующий урок в том же классе был директора, — с ним повторилось то же самое; после обличительной речи его проводили шиканьем и свистками. Предупредительный воспитатель юношества, учитель математики Хевсуриан поспешил на помощь с двумя городовыми; ученик (обличитель) высказал директору удивление по поводу присутствия в здании учебного заведения полиции, сказал, что не желает больше оставаться в учебном заведении и берет свои документы. Забежкин на другой день явился в училище на уроки, но во всех классах его встретили свистом, шиканьем, и он был принужден оставить это место.

Ташкент. 27 марта. Пропаганда социалистических идей нашла себе почву и в наших палестинах, где два года назад нельзя было ничего ожидать.

За последнее же время и у нас начинаются обыски, и у нас правительство изволит с корнем вырывать молодые деревья. Летом, на удивление всех ташкентцев, у ссыльного Шендрикова был произведен среди бела дня обыск (в 3 ч. дня) гг. полицмейстером, 2 приставами и 2 околоточными. Нашли «Исповедь» Толстого и... обрадовались. Занесли в протокол и отослали ее в Департамент Полиции.

Теперь же, недавно, гимназическое начальство пронюхало, что среди гимназистов циркулируют какие-то журналы (издаваемые гимназистами) и листки.

Начали по вечерам производить обыски — у гимназистов главным образом. Обязанность сыщиков исполняли губернатор Корольков, инспектор Яхонтов, директор Преображенский и прокурор (теплая компания!). В результате арестовали студ. Михина. Последний сидит еще и теперь в тюрьме. Говорят, что на допросе одного гимназиста спросили, где он взял нелегальную литературу. Он ответил прежде: «Купил на базаре», а потом, увещанный начальством, говорит: «Студент Михин дал». Кроме того, один гимназист 6-го класса исключен, а четырем ученикам 7-го и 8-го классов поставили по 4 по поведению в «четвертных свидетельствах». Гимназисты решили поколотить за это свое начальство: через несколько дней были избиты помощники классных наставников, выбиты окна у француза и грека. Директору генерал-губернатор Иванов предложил подать в отставку. Ждут нового директора, который общими силами с полицией и некоторыми учителями начнет изгонять крамолу за пределы Каспийского моря.

Настроение среди гимназистов бодрое. Чувствуется недостаток в литературе.

Границы. Хронику удавшихся побегов «политических» из рук палачей самодержавия мы можем дополнить новым небезынтересным фактом, происшедшим за самое последнее время.

В одном местечке жандармский унтер получил по телеграфу приказ арестовать человека с определенными, указанными в телеграмме приметами, если бы таковой там появился. Жандарму действительно удалось задержать подходящего человека. Он нанял возницу и вез свою добычу в ближайший город. По дороге арестованный обильно угощал цареву собаку водкой и пивом: все-таки напоить его не удалось. Но жандарм ведь тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо, в особенности после того, как он принял в желудок изрядное количество материи. Поэтому естественно, что он должен был слезть с повозки и удалиться на несколько шагов. Возница воспользовался случаем и тоже слез. Отчаянная решимость блеснула в голове арестованного. Он дернул вожжи. Лошади тронулись. Возница подскакивает, но несколько бешеных ударов по спине лошадей заставляют их скакать во всю мочь, и повозка помчалась, сопровождаемая криком возницы и жандарма. Справившись с костюмом, жандарм послал в догонку беглецу четыре пули, из которых одна его легко ранила. В первое время беглец раны вовсе не ощущал. Она, к счастью, не помешала ему довести бегство до конца и теперь, когда наш товарищ в безопасности, она быстро заживает. Надо полагать, что после такой неудачи жандарм вовсе не сообщит своему начальству о случившемся. Поэтому и мы не будем сообщать подробностей этого дела, чтобы не помешать товарищу в дальнейшей работе.

Еще один! Петр Глебович Ярков — таково имя одного из московских провокаторов, «работающих» в пролетарской среде. Нашему местному Комитету удалось достать копию с документа, подписанного этим Иудой. Документ носит заглавие: «Думы. Повесть о том, как у меня образовалось собственное мировоззрение, выстраданное мною и стоившее мне очень и очень много». Адрес: «В московское жандармское управление, прилагается при прошении». Писано из московской губ. тюрьмы 27 мая 1902 г. Рассказав о том, как его «совратили» социалисты и как он в тюрьме «в своем заблуждении искренно и чистосердечно раскаялся», облив помоями своих прежних товарищей, Ярков заявляет: «Как только я выйду на волю, я поставлю себе за правило, вменю в обязанность всю свою жизнь бороться с этим общественным злом», — т. е. с рабочим движением. «Первою и главною моей целью будет искоренение самых вредных личностей, распространяющих на русский народ свое тлетворное влияние». Проклиная социалистов, автор однако мало сожалеет о своей ошибке: «она сослужила хорошую службу, была для меня практической школой и вывела на настоящую дорогу».

Голос был услышан, и Петр Ярков носит теперь на своем лице каинову печать. Остерегайтесь, московские товарищи!

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Не трудно было при чтении новых беззаконных указов Плеве и Николая II, предоставивших Бобрикову диктаторскую власть в Финляндии, предвидеть, что обер-палач немедленно приступит к энергичным мероприятиям против «крамолы». Несколько дней спустя после опубликования «высочайших» рескриптов, в ночь на 9 (22) апреля и в этот день в Финляндии было произведено несколько неслыханных в этой стране обысков и нескольким лицам приказано в течение семи дней оставить свою родину. Финляндская полиция и русские жандармы вели себя при производстве обысков даже еще грубее и наглее, чем их братия обыкновенно действует в подобных случаях у нас. Первыми жертвами царского террора пали наиболее выдающиеся представители финляндской интеллигенции — представители шведской [14] и младо-фенноманской [15] партий.

В Финляндии и в заграничной прессе стало немедленно известно 11 человек, не понравившихся Бобрикову, 29 же апреля появилось официальное сообщение, перечислившее семь лиц. Пока назовем лишь этих «агитаторов». Вот они: директор банка граф Маннергейм, адвокат И. Кастрен, книготорговец В. Хагельстам, крупный помещик

барон М. фон-Борн, консул Е. Вольф, фабрикант Р. Вольф и юрист А. Фелльман. Все эти лица открыто неоднократно протестовали против царских преступлений, и теперь они отнесены русскими опричниками, разумеется—совершенно произвольно, к «кагалу», ибо такого никогда не существовало в Финляндии. В следующей статье мы сообщим некоторые интересные подробности о первых жертвах царского произвола в Финляндии. Повсюду многочисленная публика проводила их с цветами, пением и громким «ура!». Особенно грандиозными были проводы на гельсингфорсском вокзале, наполненном туземными и русскими сыщиками. Читатель не должен понимать выражение «первые жертвы» в буквальном смысле, так как до сих пор в Финляндии пострадала так или иначе масса лиц. Эти же финляндские граждане изгнаны из Финляндии на основании диктаторской власти Бобрикова, тогда как раньше многие лишились мест, пенсий и т. п.

Спасение Финляндии теперь мыслимо лишь при свержении самодержавия в России.

[В. М. Смирнов]

17/30 апреля.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Тверь. (Вагоностроительный завод Анонимного общества.) Плохо идут дела нашего завода! Выстроили его в годы грюндерской горячки, оборудовали, пустили в ход, снабдив казенными заказами; но скоро он сел на мель. Сильно задел его кризис, не стало заказов. Сильно повредила ему «несчастная случайность». Осенью 1900 года завод сильно пострадал от пожара. Были даже основания подозревать поджог, т. к. перед тем на заводе шло брожение, надвигалась стачка. От пожара пострадал, правда, и хозяйский карман, но хуже всего пришлось, конечно, рабочим: из 3.000 с лишком чел. было рассчитано более половины, а оставшиеся на своей шкуре узнали всю прелесть резко изменившихся условий труда... Среди заводских рабочих не мало заволжских и затверецких (так называется часть города) мещан. Многие владеют домишками. Есть крестьяне, почти порвавшие связи с деревней, есть и такие, которые каждый праздник идут домой на побывку. Хоть уровень жизненных потребностей рабочих завода, как рабочих обученных, и выше, напр., тверских ткачей, но сила сопротивления их не велика. Причиной тому, быть может, отчасти разнородность состава рабочего персонала, отчасти общее угнетенное состояние. Среди рабочих существует даже мнение, что заводская администрация будет рада стачке и прикроет завод, и многие завоевания, сделанные ими в те времена, когда завод нуждался в рабочих руках, прахом пошли... Так, прежде по субботам работали только до 3 час. Теперь работают до вечернего свистка. Расценки понизились вдвое-втрое. Штрафы приняли безобразно широкие размеры: штрафуют за 3 минуты опоздания, куренье во дворе, питье чая сидя. Отношение начальства становится все хуже: обходятся с рабочими грубо, все норовят подвести под расчет. Особенно скверной славой пользуются мастера Ренан и Браке, заправские хозяйские холопы. Последний — специалист грабить рабочих посредством т. наз. «проработки». Существует она на заводе давно, но Браке ее бесспорно усовершенствовал.

Состоит она в следующем: плата за работу полагается сдельная, но для общего месячного заработка существует граница в форме «цеха», «цеховой» платы. Если работы много, то, налегая, рабочий вырабатывает «проценты» — коп. 40 — 50 на рубль (сверх «цеха»), но сполна ему излишка не выдают. Если же работы мало, то, несмотря на все старания, ему «цеха» не выработать; недостающая же сумма вычитается из процента следующего месяца.

Был такой случай. За недостатком работы одну партию столяров здания Ж. заставили гулять. Другой же партии из 45 чел. дали сдельную работу. Было ее так мало, что мастер убедительно просил не торопиться. При сдаче оказалось, что «цеху» у рабочих 950 руб., а на сдельной плате они выработали всего 460 руб. Значит, оказалось «проработки» 490 руб.

Затем на место этой партии вышли гулявшие столяры. Они получили работы на 1.500 руб. Сдали работу и эти столяры. Оказалось, что — по расценочной табели — каждый рабочий выработал процентов коп. 60 на рубль. Но из этого излишка ничего рабочим не попало: весь он пошел на покрытие «проработки» другой партии. Нагло ограбленные рабочие пригрозили жалобой фабричному инспектору. В ответ на это уволили 5 человек. Вытребованный же инспектор переговорил с мастером и отказался вступиться за рабочих, ибо он-де условий заводской работы не знает. Рабочие обратились в суд.

В другом здании рабочие по обшивке вагонов железом заработали в месяц 40 коп. на рубль; выдали им всего коп. 5—10. Они пошли к Браке с претензией; тот нахально увернулся.

Вот какие милые порядки на французском заводе!..

[Ал. Ив. Гусев]

Тверь. Мануфактура Берга. О нашей фабрике найдется что порассказать! Много на ней порядков, которые всей своей тяжестью давят на плечи рабочего. Вместо законных 11½ часов, рабочий день тянется 12 час.; паровую пускают утром и после обеда раньше минут на семь, а останавливают позже. Если же паровая остановится по какой-нибудь причине, например из-за поломки, то приходится отрабатывать за 2 часа в течение полумесяца ежедневно минут по десяти лишнего. Бывают такие «курьезы». Во время проезда через Тверь наследника, фабрику по распоряжению директора остановили, всем рабочим велели приодеться и встретить наследника криком «ура». Прождать рабочим пришлось часа 2½, — и тотчас по проезде их вызвали свистком на работу. За пропущенное же время директор велел отрабатывать целый месяц по 15 мин. ежедневно. Другими словами: за свои патриотические чувства фабрика взяла с каждого рабочего часа по 7 мин. лишних дарового труда. — Машины заставляют обметать на ходу. В случае же увечья фабрика не отвечает, так как при поступлении с каждого рабочего берется расписка, что претензии на пособие иметь не будет. Станки стоят так тесно, что даже привычному человеку надо итти с опаской. Много увечий, гораздо больше, чем, например, на Морозовской фабрике. Известны несколько случаев выкидыша беременными работницами, после того как их «потрепало» приводом машины. В прядильной заставляют чистить станки два раза в неделю, не во время работы, а в обед. Конечно, ни гроша за это не платят.

Основу и уток дают худой, а бракуют очень усердно, либо ставят кресты за плохую работу. Тем, у кого их много, грозит немедленный расчет. Зато установлена целая скала премий за усердие. Введена она теперешним директором. О нем даже песенка сложена: «Наш Василий Яковлевич Кук произошел много наук и стал он больше понимать, как с рабочих шкуру драть».

Штрафы — безобразные. Пишутся они за малейший пустяк и с'едают порой половину заработка. Часто бывает так: приходит мальчик из конторы, берет книжку и уносит для вписывания штрафа, — а рабочий даже не может добиться, за что его оштрафовали. Большинству рабочих приходится жить в хозяйских казармах. Там рабочие всецело в руках хожалых, которые чувствуют себя господами положения. Хожалый Григорий дерется и преследует женщин. Помощник его Василий ходит с плетью и бьет рабочих. Из-за одного такого подвига он даже под суд попал, но директор пригрозил обычным расчетом — и те помирились с обидчиком. Жить в хозяйских квартирах скверно. Вот как описывают их сами рабочие: «Каморка—

длиной 8 арш., шириной—5. Окно — одно, глухое, вентилятора нет; есть какие-то отдушины, которые не действуют. И в эту каморку набивают 7—8 человек с платой по два рубля в месяц! Воздух всегда спертый и душный. Утром встаешь совсем больной. Пол каменный, сырой, постоянно простужаешься. Продукты, за неимением места для хранения, приходится держать в каморках, отчего там стоит зловоние. Дети не переносят всего этого и очень мрут. Но всего безобразнее отношение администрации к рабочим. Брань, побои — заурядное явление. Женщин страшно преследуют с легкой руки директора Кука, который смотрит на них как на свой гарем. Особенно отличаются по этой части мастер Крамптон, его помощник Дубровский, хожалый Григорий». Есть и свои домашние шпионы и наушники, вроде конторщика Шанина, подмастерья Гордеева и др. Стоит отметить еще историю фабричной библиотеки. Основана она рабочими, на их средства и с большим трудом: дирекция долго не разрешала ее, пока рабочие не догадались выбрать Кука попечителем. Тогда он разрешил ее, но поместил где-то в подвале. Заведует ею Дубровский и выдает хорошие книги служащим, а рабочим — всякую дребедень. Да и то не просто, а с издевательствами...

Уровень развития рабочих невысок. Подавляющее большинство — женщины. Тем не менее можно указать на кое-какие успехи на арене борьбы с фабрикантом. Так, опасаясь повторения волнений (смотри № 19 «Искры»), фабрику остановили в четверг, на масляной дают отпуски рабочим без затруднений. 24 декабря был распространен на фабрике листок местного комитета; он произвел некоторую сенсацию. Одновременно был распространен среди общества бюллетень, в котором были «пропечатаны» фабричные порядки. После этого наезжали санитары и устранили кое-какие из более вопиющих безобразий. Недавно зашевелились и работницы, ходили к директору. Тот им набавил по 2 коп. на кусок и отменил вычеты за баню. Но настроение — попрежнему напряженное. Показателем его может служить факт покушения на Кука. 2 марта рабочий Степан Сергеевич Логинов, рассчитанный и оскорбленный им, ранил его выстрелом из револьвера. Логинов сам отдался в руки полиции. Комитет распространил по поводу покушения прокламацию, в которой вновь указал на то, что борьба должна быть массовой, чтобы быть успешной. Прокламация была хорошо принята рабочими.

Заводы «Никополь» и «Русский Провиданс» (близ г. Мариуполя). Кризис тяжело отозвался и до сих пор дает себя чувствовать на наших заводах. «Провиданс» в мае и июне рассчитал до 500 ч. При этом расчете произошла маленькая забастовка листопрокатчиков. Им предложили проработать 10 дней, а получить за 15. Рабочие отказались и требовали немедленный расчет с уплатою за 2 недели вперед. Приехал мариупольский полицмейстер и уговорил рабочих получить немедленный расчет с уплатою за 5 дней вперед. Рабочие согласились. В начале 1903 г. некоторые отделения вновь пущены в ход, но заработная плата понижена. «Никополь» сокращал рабочих постепенно, в декабре же закрыл доменное отделение и уволил до 300 ч., и тогда же рабочие заволновались, требуя выдачи 2-месячн. жалованья и квартир до марта бесплатно. Заводоуправление отказало и предлагало выдать 2-недельную зар. плату. Рабочие решили послать Плеве телеграмму. С телеграммой было очень много хлопот. Местная почт. контора отказалась послать ее. Ходили в город и кой-как послали, но ответа на нее не было. Заводоуправление забеспокоилось и набавило рабочим бесплатный проезд на родину. Изголодавшиеся «доменные» (большинство серое крестьянство) согласились и раз'ехались. Вообще рабочих осталось на наших заводах меньше половины. Заработная плата понижена везде, где меньше, где больше; так, например: в листопрокатном цехе «Никополь» зараб. плата срезана уже 4 раза за время (5 лет) существования завода, в механическом цехе она упала до половины и больше по сравнению с прежней. Премии и аккорды понижаются произвольно каждым начальником цеха или мастером. Увеличилась напряженность труда: где раньше было 3, теперь 2 чел. Громадное число рабочих об'ясняет кризис тем, что правительство отдало заказы за границу. Общая картина голодной России им недоступна. Безработица очень сильно индивидуализирует рабочих, и, как мало культурные люди, они иногда делают подлости, чтобы удержаться на месте. Рабочие «Ник.», так наз. «муфторезы», воруют сталь у рабочих другого цеха или покупают, как и точилки, за свои деньги, и все боятся протестовать против такого безобразия, меж тем как эти «муфторезы» — наиболее интеллигентные и в 1899 г. они первые заявили забастовку. Благодаря тому обстоятельству, что расчетные книжки рабочих всегда хранятся в конторе завода, бывали такие случаи злоупотреблений на «Никополе»: рабочему задним числом проставляют расчет, и юридически рабочий при требовании — в случае немедленного расчета — двухнедельной заработной платы теряет возможность доказать свой иск на суде. Рабочий день — 10-12 час. в сутки, смотря по роду работ. Никопольские «муфторезы» благодаря аккордной (сдельной) плате сами себе удлинили рабочий день: на ночной смене они вместо нормированных законом 10 час. работают 11 — 12½ час. Праздничная работа обязательна на доменных, коксовых печах, листопрокатном, трубном. В листопрокатном отделении «Никополя» выходили несколько раз очень крупные недоразумения с заводоуправлением из-за праздничных работ, но дело кончилось тем, что теперь листопрокатчики работают по воскресеньям и свыклись с этим. Обращение начальства с рабочими на наших заводах сносное, но есть отвратительные исключения. Так, на «Ник.» есть начальник трубного отделения Тиль, страшно грубое животное, не один раз допускавший кулачную расправу с рабочими и однажды чуть не убивший одного рабочего, ударив его ногою в половые органы. На «Ник.» же в листопрокатном отд. мастер Мечинский не пропускает, чтобы кого-нибудь не обругать или не оштрафовать. Большинство «никопольской» администрации таково, как мастер механического цеха Шишковский, который мягко стелет, да жестко спать. На «Провидансе» отличается начальник бессемеровских и мартеновских цехов Шацман, недавно избивший одного десятника за то, что он жег в жаровнях крупный по его, Шацмана, мнению кокс. Хорош также вице-директор «Провиданса» Туманов, рассчитавший избитого десятника и еще 4 рабочих, видевших, как десятник защищался от побоев Шацмана, и не помогших ему избить десятника до смерти. Штрафы на наших заводах очень значительны, но об'явления о размере и движении сумм штрафного капитала не вывешиваются. Наши школы — неважные. На «Провидансе» учитель Михайловский бьет детей. Библиотеки для рабочих до сих пор нет. На «Ник.» за последнее время собираются что-то устроить в этом роде, но улита едет, когда-то будет. Рабочие (очень мало) выписывают «Бирж. Вед.», «Ниву», «Родину» и прочую ерунду. Много читается лубочной литературы. Развлечений разумных нет, пьянство развито очень сильно. Несчастные случаи — не редкость. Взрыв домны на «Ник.» 9 июня 1902 г. произошел благодаря небрежности администрации, которая в союзе со страховыми обществами, где застрахованы рабочие, страшно эксплоатирует увечных рабочих; особенно в этом деле отличается врач Яновский, прохвост 96-й пробы. Этот врач снял также у «Ник.» больницу с подряда и оказался на высоте подрядческого призвания. Лечение же больных идет спустя рукава; так, рабочего Змиевского этот эскулап, делая операцию, заразил дифтеритом, отчего тот и умер.

Врач «Провиданса» Медалье тоже очень халатно относится к своей больнице, больше думает о шахматах и преферансе, чем о больных. На-ряду с больницами хромает и санитария; в выстроенных при заводах колониях, как и в самых заводах, отхожие места и выгребные ямы устроены так плохо, что зловоние, особенно летом, заражает весь воздух колонии, буквально нечем дышать. Грязь в колониях, особенно на «Провидансе», невылазная. Вода от дождей застаивается на улицах и гниет, распространяя миазмы.

Экономия заводоуправления «Ник.» доходит до того, что в жаркое летнее время заводский водовоз развозит воду по квартирам рабочих только 2 ведра на семейство. Из-за воды происходят целые сражения между женщинами.

Плата введена за все: за дрова (17 к. за пуд щепок), за уголь, за квартиры, меж тем как, когда заводы строились, то во многих газетах все эти вещи в об'явлениях обещались рабочим бесплатно. Коротка, видно, память у заводоуправления. Нельзя ли ее немножко встряхнуть, братцы!

Из Донецкого бассейна.

Мариуполь. (Отчет «летучего отряда» Соц.-Дем. Союза горнозаводских рабочих). Рабочие заводов «Никополь» и «Провиданс» настроены очень революционно. Распространенная в конце марта прокламация № 7 «Как шахтеры и заводские рабочие боролись за свою свободу» (в 1.000 экз.) произвела очень хорошее впечатление, хотя об'яснение форм политической и экономической борьбы для большинства осталось непонятным. Из стихотворений и песен, напечатанных в прокламации, больше всего понравились «Сказка о попе и чорте» и стих. «Пролетарий», которые заучивались наизусть. Любопытно отметить одно явление: когда прокламации разбрасывались по домикам рабочих, то их жены, обыкновенно поднимающиеся раньше своих мужей, подбирали прокламации и жгли их. В виду этого, местной организацией решено было распространить прокламации по мастерским заводов, что и удалось выполнить: из всех прокламаций попало в руки полиции едва 50 штук. В конце прокламации № 7 было написано, чтобы рабочие не давали прокламаций в контору и полицию. Один мастер механического цеха приставал к рабочим, чтобы они ему дали прочесть; но так ему никто и не дал, хотя они признавались ему, что прокламации у них есть.

У рабочих, подозреваемых в неблагонадежности, были произведены обыски, но без всякого успеха для полиции. Распространять прокламации в самом Мариуполе теперь почти невозможно, так как сторожей и полиции масса на всех улицах и закоулках.

Юзовка. В ночь с 28 на 29 марта была распространена прокламация № 7. Во время разброса полиция захватила двух ремесленников — Рутуайта и Липкина, прогуливавшихся на Рабочей улице, и, хотя при них ничего не нашли, их арестовали и отправили в местную кордергардию. На квартире одного из арестованных жил какой-то частный поверенный, у которого произвели обыск и тоже арестовали. Поверенного продержали пять дней и выпустили, так как ничего компрометирующего не оказалось, ремесленников же отправили в Бахмутскую тюрьму. Нахальство полиции и произвол не имеют границ. Арестуют и обыскивают вполне благонамеренных людей: так, обыски были у всех «сионистов», библиотека которых по распоряжению полиции закрыта. Среди заводских рабочих идет глухое брожение.

Рыковский рудник. В конце марта были распространены прокламации (№№ 2 и 4) в количестве 500 штук. Шахтеры многого в прокламациях не понимают, но все-таки прокламации их интересуют. На этом руднике эксплоатация идет во-всю. Особенно отличается по части «выжимания соков» из рабочих некий Леве, архипрохвост 96-ой пробы.

Макеевка. Директор Генерального Общества трубопрокатного и сталелитейного завода в Макеевке обещал всякому, кто поймает разбрасывателя, 100 руб. за голову, но пока 100 руб. никому не выданы, так как поймать разбрасывателя довольно мудрено.

Ялновский рудник. Здесь распространены прокламации «Пауки и мухи» и «Кто наши враги» в числе 500 штук. Отношение рабочих к прокламациям неопределенно.

Волынцево (Петровские заводы). В конце марта удалось распространить около 600 экз. «Пауки и мухи» и «Кто наши враги». Полиция страшно встревожилась, и теперь там военное положение. Вечером нельзя поздно ходить по улице, сейчас же забирают в кутузку.

Ростов-на-Д. Из изданных Донским Комитетом двух воззваний мы узнаем о стачках, начавшихся в средине апреля на двух местных фабриках. На бумажной фабрике Панченко рабочие и работницы потребовали отмены воскресных и праздничных работ, десятичасового рабочего дня, повышения заработной платы с 60 до 80 коп., вежливого обращения и прекращения практиковавшегося со стороны фабричной администрации специфического преследования женщин-работниц. Только на-днях приказчик Сечевой рассчитал работницу за отпор, данный ею на его приставания.

Администрация фабрики пыталась прекратить стачку, выслав на работу персонал другой своей фабрики. Воззвание Комитета убеждает рабочих не изменять товарищам.

На картонной фабрике Перельмана и Манусевич часть рабочих забастовала 17 апреля. Стачечники требовали повышения заработной платы на 20%, десятичасового рабочего дня для взрослых и девятичасового для детей, прекращения перевода часовой стрелки и опять-таки вежливого обращения. Чем кончились обе стачки, нам пока неизвестно.

Петербург. Движение среди фармацевтов.

После годового слишком перерыва снова мы встречаемся с признаками движения среди пролетариата петербургских аптек. Помеченный январем с. г. листок, подписанный «Спб. Комитетом социал-демократической организации фармацевтов», сообщает о возникновении этой организации и зовет товарищей по профессии поддержать ее. Сверх общеполитических требований социал-демократии, Комитет намечает следующие пункты профессиональных требований: 1) Поднятие уровня общего и специального образования фармацевтов и удешевление его. 2) Отмена аптечной монополии. 3) Двухсменная система работ. 4) Упразднение хозяйского пансиона и установление минимума заработной платы. 5) Нормировка аптечной работы в смысле установления количественного максимума №№ на каждого ассистента. 6) Учреждение постоянного третейского суда обязательного характера с официальной юрисдикцией и выборными от аптекарей и фармацевтов-рабочих для разбора недоразумений между последними и хозяевами. 7) Государственная пенсия для престарелых и неспособных к труду фармацевтов и их семейств.

Комитет ставит своей целью «создание единого всероссийского союза рабочих-фармацевтов». Он констатирует полный неуспех зубатовских попыток, выразившихся в образовании «Северного Общества» фармацевтов. В мае месяце аналогичное воззвание было издано социалистической группой фармацевтов в Белостоке.

Самара. За несколько дней до Пасхи здесь была стачка булочников. Требовали 12-час. рабочего дня, освобождения от работы по воскресеньям и отдельных от мастерских спален. Стачка прекратилась через два дня при содействии полиции, арестовавшей нескольких булочников.

Феодосия (Крым). В последнее время Феодосия пробудилась от своей спячки. На табачной фабрике Стамболи три раза были разбросаны прокламации и два раза на улице. На фабрике Стамболи арестовали одного рабочего. Его обвиняют в распространении прокламаций. Полицмейстер рвет на себе волосы от негодования. Носятся слухи, что даже керченские прокламации печатаются здесь. И вот, желая искоренить крамолу с земли феодосийской, полицмейстер начал действовать. Город кишмя-кишит шпионами. Первого марта представители здешней социал-демократии устроили вечеринку, на которой было около 20 рабочих. Читали рефераты по поводу события 1 марта. Целью вечеринки было, главным образом, об'единение имеющихся сил интеллигенции и передовых рабочих для более успешной борьбы с давящим нас гнетом. Воодушевление было большое, пели песни. Все это происходило под самым носом у полицмейстера. Недавно здесь был интересный арест. Идут по улице молодой человек и девица. За ними во весь дух скачет, подняв полы, полицмейстер Романовский и городовой. У памят-

ника Александра III они нагнали их и тут же арестовали. Девицу через несколько часов отпустили, а молодой человек скрылся на следующий день.

Гомель. Если я не ошибаюсь, сведения о гомельском движении в первый раз появляются на страницах «Искры». Мне хотелось бы поэтому познакомить читателей «Искры», хоть в кратких чертах, с историей этого движения, являющегося во многих отношениях типичным для городов Западного края. Как и всюду в «черте оседлости», гомельское рабочее движение развилось из кружков для самообразования, преследовавших первоначально чисто культурные цели. На субботних полулегальных групповых чтениях Тургенева, Короленко, Мачтета очень скоро выяснилось, насколько восприимчив средний еврейский ремесленник к революционной пропаганде. Достаточно было появления одного энергичного, беззаветно преданного делу революции человека, и характер субботних собраний совершенно изменился, и на них зазвучали совсем другие речи. Гомельское рабочее движение многим обязано этому человеку, и я считаю нелишним сказать о нем несколько слов. Прослуживши некоторое время почтальоном при гомельской почтовой конторе, Исаак Захарин уезжает на несколько лет за границу, работает слесарем на крупных заводах Лондона и Нью-Йорка, проникается там учением социализма и возвращается на родину с одной мыслью, для одной цели — служить делу социализма у себя дома. У него мало знания, он не особенно разбирается в людях, но зато он ни о чем не думает, кроме революции, ничем не занимается, кроме нее. Благодаря его настойчивости формируются кружки пропагандистов, устраивается нелегальная библиотека, ежемесячные сборы, и закипает успешная борьба гомельских ремесленников за сокращение рабочего дня до 10 час. Гомельские жандармы в то время (годы 1894 — 1896) отличались еще первобытной невинностью по части «корней и нитей», и работа велась совершенно открыто. Помню я, как на улице передавали друг другу литературу, как на бульваре громогласно велись теоретические и тактические споры. Но всему на свете бывает конец, и в 1896 г. И. Захарин очутился в тюрьме, где скоро заболел душевной болезнью. Больного его держали в заключении больше года и выпустили совершенно помешавшимся. Часто можно встретить теперь на улицах Гомеля его печальную фигуру с блуждающими глазами, с торопливыми движениями и бессвязною речью о давнопрошедших тяжелых временах, когда еще не все были социалистами, когда еще существовали тюрьмы и жандармы. Он воображает, что коллективистический строй уже наступил. После ареста Захарина работа не прекратилась. Образовался соц.-дем. комитет, вошедший в Бунд. Развились и окрепли профессиональные организации и боевые кассы. Работа велась более экстенсивно, чем интенсивно. Рабочие проникались началами солидарности и товарищества, приучались ценить организацию и уметь защищать ее, подымалось революционное настроение, рос их энтузиазм и жажда борьбы, но делалось очень мало для распространения и укрепления социалистического сознания.

Чувствовался недостаток в интеллигентных руководителях, в людях с интересами теоретического и программного характера. Этим об'ясняется то обстоятельство, что среди тысячи рабочих, в той или иной мере причастных к движению, вы насчитаете не более двух-трех десятков людей, имеющих ясное представление о социализме. Здесь бывали, напр., такие курьезы, что в соц.-дем. комитете участвовали... анархисты. Между прочим, некоторое время членом Гомельского Комитета был Карпович (летом 1899 года), признававший в то время социал-демократическую программу. За последнее время деятельность местной организации значительно оживилась. Уже более месяца здесь работает хорошо поставленная типография. За март месяц ею выпущено до 7.000 прокламаций и листков: по поводу 1-го марта, две злободневные прокламации, одна к крестьянам, одна об убийстве провокатора в Бобруйске, одна к интеллигенции и одна по поводу златоустовской бойни. Прокламации читаются всюду и везде: в парикмахерских, в ресторанах, на улице. Полиция рвет и мечет, разыскивая типографию; по улицам днем и ночью расхаживают патрули солдат с заряженными ружьями, за поднадзорными по пятам ходят сыщики, люди из общества возмущаются «демократами», местные чинодралы из судейских не погнушались бы явиться в роли спасителей отечества и стараются вынюхать местопребывание типографии. Особенным усердием отличается в этом патриотическом деле бывший учитель гимназии, а теперь мировой судья, А. Мельников. Тем не менее, несмотря на все препоны и преграды, гомельские рабочие фактически обладают свободой слова и свободой сходок. Часто здесь устраиваются массовые собрания до 1000 человек, сильно развита партийная дисциплина: достаточно было одной прокламации, чтобы более 1000 человек бросило работу, выражая свою солидарность с златоустовскими рабочими. Об этой политической забастовке, о местном обществе, о работе среди крестьян, о настроении публики — в следующий раз. Рид.

Балта, 7 апреля. Вчера мы были поражены небывалым у нас зрелищем, произведшим на всех весьма сильное впечатление. В пятницу на улице был арестован рабочий (печатник) Ривелис и отвезен в тюрьму, где он и выслушал приговор (Ривелис жил прежде в городе Одессе, где был арестован), по которому его осудили на 4 года Восточной Сибири. В воскресенье с утра по городу распространился слух, что Ривелиса увозят с конвоем в 3 ч. дня. К этому времени к местной тюрьме, которая за все время своей жизни не видала в своих стенах политических преступников, стали стекаться интеллигенты и рабочие, чтобы еще раз повидаться с товарищем, выросшим вместе с нами и на глазах наших отцов. Уже во время прощания Ривелиса с родными можно было заметить волнение в толпе. Когда старший конвойный закончил свою инструкцию и конвой сделал первый шаг, совершенно неожиданно для всех нас раздались крики: «Долой самодержавие» и «Прощай, товарищ, павший жертвой царского произвола». Эти возгласы были дружно поддержаны громкими криками «ура». На лицах всей толпы было написано сочувствие товарищу. Незначительный состав полиции не мог остановить волнения, и шум продолжался около 20 минут. Наша импровизированная демонстрация обошлась без жертв. На другой день местной группой социал-демократов была выпущена прокламация, посвященная товарищу Ривелису. Антиправительственные возгласы и распространенные сегодня прокламации сильно воздействовали в смысле агитации на нашу массу. Буржуазное общество сильно взволновано. Полиция грозит выслать из города всех «социалистов».

Мест. Паричи, Могилевск. губ. С осени 1902 г. рабочее движение захватывает и наше глухое местечко. Начинаются стачки ремесленных рабочих. Первыми стали бастовать портнихи. В результате стачечного движения повсеместное сокращение рабочего дня до 12 час. (прежде он обыкновенно составлял 16—18 часов, а перед праздниками и все 24!) и улучшение в обращении хозяев с рабочими: в область прошлого отошли ругань и побои, царившие еще недавно.

Сейчас же после первой стачки к нам приехал из Бобруйска жандармский офицер в сопровождении тов. прокурора и целой своры жандармов. Были обыски, не давшие ничего для жандармов. Тем не менее, 6 интеллигентов и 3 работницы были отданы под надзор. Набег жандармов оказал благотворное действие: они успели восстановить против себя и рабочих и так называемое «общество».

Вслед за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочий день которой здесь, как и везде, ничем не ограничен. В одно прекрасное утро 25 служанок бросили работу и демонстративно прошлись по улице. Ни угрозы, ни слезы (!) хозяек не помогали: прислуга требовала, чтобы в 9 час. вечера она освобождалась от работы и чтобы мойка белья не входила в круг ее обязанностей. Через два дня почти все хозяйки сдались, к остальным был применен особого рода «террор», сломивший и их сопротивление. Этот «террор», к которому раньше прибегали и ремесленные рабочие, заключался в выбивании всех стекол в домах.

В праздник «Пурим» здесь была небольшая демонстрация. По случаю свадьбы рабочего на улице собралась толпа, провожавшая новобрачных из синагоги. Проходя мимо казенных учреждений, толпа кричала «Долой самодержавие!» и т. д. Крики эти испугали земского начальника, который бросился стремглав в свой дом и забаррикадировался. Полиция в тревоге и требует присылки казаков (!!). Нужда в литературе во всем нашем районе невообразимая. Каждая брошюра берется прямо с бою. — 30 апреля здесь на собрании читался реферат о программе социал-демократии, о развитии революционного движения в России, об аграрной программе соц.-рев. и о терроре.

Одесса. В апреле здесь забастовали гладильщики — 150 человек. Требовали увеличения поштучной платы. Некоторые хозяева сдались. Рабочие стойко и сознательно отстаивали свои требования.

Из Златоуста. Список здешних шпионов: 1) Андрей Федоров Жижин; 2) Китов (переодетый жандарм), русый, 42 л., покупает старое железо; 3) Алексей Евг. Щергин (переодетый жандарм); 4) Степан Лукашев, мастер; 5) Вас. Рябов; 6) Ник. Стариков; 7) Дмитрий Рябов, полиров. мастерск.; 8) Иванов, инструмент. мастерск.; 9) Вас. Середонин; 10) Пав. Прохоров, столярн. маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ГОЛЛАНДИИ.

(Окончание.)

Мы уже упоминали, что правительство своими мерами недвусмысленно давало понять рабочему классу, что оно готовит ему жестокий удар. В виду этого соц.-демокр. депутат Трельстра внес 1 марта в палату запрос по поводу общего положения дел. Запрос был составлен в очень умеренных выражениях. Трельстра просил правительство отложить обсуждение законопроектов против стачек до того момента, когда станут известными результаты расследования, о котором упоминалось в правительственных же проектах (расследование должно было коснуться условий труда железнодорожного персонала).

Однако, министр отказался итти на уступки. Правительство во что бы то ни стало решило отнять у железнодорожных рабочих их права еще прежде, чем будут надлежащим образом расследованы их жалобы.

Оставалась надежда на то, что обсуждение предложенных правительством законопроектов будет отложено хоть до после Пасхи. В этом случае агитация и давление со стороны организованного пролетариата могли бы, может быть, вынудить у правительства дальнейшие уступки; с другой стороны, значительно улеглась бы буря возмущения среди господствующих классов, которые, находясь в более спокойном состоянии духа, согласились бы отложить обсуждение дополнительных статей уголовного кодекса до появления в свет результатов расследования. До конца марта никто не думал, чтобы обсуждение новых проектов могло начаться раньше пасхальных каникул, т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? В конце марта внесены были правительственные законопроекты в измененном виде. Либералы немедленно отшатнулись от общей оппозиции. Вся их пресса разразилась восторженными гимнами в честь клерикального правительства, которое было настолько разумно, что послушалось советов либеральной партии и несколько смягчило «кары», назначенные за стачку на железных дорогах (вместо 6 лет — 4). Все лицемерие либеральной оппозиции ярко сказалось в этой внезапной перемене фронта. Министр-президент Кийпер, конечно, не замедлил воспользоваться этим обстоятельством и решил ковать железо, пока горячо. Когда 1 апреля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсуждение «каторжных законов» начнется уже в ближайшие дни. Такая поспешность нарушала обычный порядок обсуждения всяких новых проектов и законов. Оппозиция наших товарищей не имела никакого результата. Они и часть демократов вотировали против предложения правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Коварная тактика правительства теперь стала всем ясна. Оно решило дать улечься первой буре народного возмущения и показать вид, что оно якобы не намерено так уж торопиться со своими проектами, как это предполагали рабочие. И вот, в тот момент, когда агитация несколько ослабела, оно стремительно, как хищное животное, ринулось на свою добычу, уверенное в победе. В четверг, 2 апреля, представители организаций и ферейнов, примкнувших к Комитету обороны, снова собрались для обсуждения положения дел. Поражение было почти неминуемо. Обсуждение законов уже началось и в несколько дней могло окончиться. Перед рабочими стоял выбор: или ограничиться борьбой в парламенте и передать руководство ею соц.-дем. депутатам, или же избрать путь внепарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитет обороны решил прибегнуть к стачке. Против стачки был товарищ Ондегест, председатель союза железнодорожных рабочих. Он указывал на серьезные последствия и большие жертвы, которые могла за собою повлечь стачка. Правда, он сам два месяца тому назад издал знаменитое воззвание к членам своего союза с призывом ко всеобщей стачке, но положение дел с тех пор значительно изменилось. Железнодорожные общества приняли свои меры, организовали союзы из штрейкбрехеров, создали из «благонамеренных элементов» целые кадры, которые обязались никогда не бастовать; с другой же стороны, обещанием различных личных преимуществ, наград, повышений и т. п. они лишили профессиональный союз известного контингента членов, конечно, из числа более нерешительных, слабых или просто эгоистичных. В то же время христианские союзы пошли навстречу этим стремлениям железнодорожных обществ и стали пополнять свои ряды всяким сбродом.

Поведение христианских союзов во всей разыгравшейся борьбе является одним из самых печальных эпизодов ее. За немногими исключениями эти своеобразные «христиане» являлись форменными предателями своих борющихся товарищей и с чисто собачьей преданностью к своим правящим единоверцам об'являли себя за «каторжные законы».

С другой стороны, железнодорожные общества могли рассчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была готова по первому знаку занять все пассажирские и грузовые вокзалы, все переходы через рельсы и затруднить, таким образом, всякие сношения между бастующими и небастующими рабочими (что фактически и случилось в первый день стачки).

Все эти явления, конечно, не остались без влияния на союз железнодорожных рабочих: число членов его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боевой дух его сильно упал. Часть членов была запугана абсолютным запрещением оставлять свои жилища, некоторые были вовсе смещены, другие переведены на низшие должности, в то время как членам христианских ферейнов оказывалось всякое покровительство и пропаганда их всячески поощрялась.

На собрании 2 апреля заявления Ондегеста, представителя соц.-дем. в Комитете обороны, оспаривались другими членами Комитета, которые смотрели более оптимистически на положение вещей и хотели во что бы то ни стало провести стачку, что им и удалось. Решено было сначала об'явить стачку только железнодорожных и портовых рабочих.

Решение пока должно было остаться тайным, начало же стачки приурочили к 5 апреля. В ночь с 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. В первый же день стачки выяснилось, что настроение среди железнодорожных рабочих было уже не то, что 3 января. Амстердам, на который все, в том числе и Ондегест, особенно рассчитывали, выставил довольно много охотников продолжать работу. Сообщение, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. И именно это обстоятельство, что из Амстердама продолжали отходить поезда по различным направлениям, сильно обескуражило рабочих, занятых в других пунктах сообщения, как Гаарлем, Гаага, Роттердам, Утрехт, где стачка была почти

всеобщей. На второй день стачка разрослась, и на севере и востоке положение было в этом отношении довольно хорошее. На юге, где преобладает католическое население, бастовали лишь в отдельных местах. Беда была еще в том, что среди машинистов стачка далеко не была столь общей, как ждали; между тем очевидно, что именно их участие имело бы решающее значение, раз стачкой имелось в виду прервать всякое сообщение в стране. Далее железнодорожные общества немедленно послали всем забастовщикам на дом извещения об увольнении их, что произвело удручающее действие на жен рабочих. Среди рабочих оказалось довольно много изменников общему делу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также в качестве рабочих. Правительство дало в распоряжение железнодорожных обществ своих солдат не только для целей охраны, но и для железнодорожной службы, так что, хотя и в ограниченных размерах, но движение поездов шло попрежнему. Сношения между стачечниками различных мест были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщение путем велосипедов. Стачечники решили не прибегать к услугам железнодорожных поездов, на которых заняты были штрейкбрехеры, а телеграфам они не особенно доверяли. Руководящий комитет был плохо осведомлен о положении дел вне Амстердама. Стачка портовых рабочих повела в Амстердаме ко всякого рода замешательствам в портовом деле, и следствием ее было то, что все занятые в порту рабочие (до 4.000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, в которую вступили портовые рабочие Роттердама, приняла совершенно неожиданные размеры, и этот факт является, несомненно, одним из главных моментов в истории этой борьбы.

В среду, 8 апреля, было очевидно, что палата в четверг закончит прения по поводу проектов. В дебатах участвовали лишь одни социал-демократы; последние не пожелали однако прибегнуть к обструкции, так как стачка была слишком слаба и не могла произвести соответствующего давления на парламент. Чтобы помочь железнодорожным рабочим и скрыть слабость их стачки, Комитет обороны решил об'явить в среду днем генеральную стачку во всех отраслях промышленности. В Амстердаме забастовали рабочие по алмазу (наилучше организованные во всей Голландии) и строительные рабочие. Общей стачки пекарей и типографов не удалось устроить. Из рабочих, занятых в городских предприятиях, только отдельные категории (газовые рабочие и рабочие по очистке города) бросили работу. Вне Амстердама стачка охватила лишь отдельные отрасли производства в крупных городах (строительное дело, обработка металлов, типографское дело). Забастовка в них была либо общей, либо частичной. Нет сомнения, что на следующий день, 10 апреля, стачка получила бы большее распространение. Но в четверг днем закон был уже принят во второй палате, в пятницу он поступил на рассмотрение первой палаты, в субботу он был бы уже распубликован в «Государственном Указателе» и таким образом вступил бы немедленно в законную силу. Стачка железнодорожных рабочих должна была быть к субботе закончена, иначе всем ее участникам, всем стачечникам, всем членам центрального и местных комитетов, всем тем, кто говорил или писал для движения, грозило долголетнее заключение в тюрьме. В виду этого комитет в ночь с 9-го на 10-е решил отменить всеобщую стачку, направленную против нового закона. В пятницу утром это решение было предано гласности, и, хотя в некоторых местах рабочие отказались было вначале прекратить забастовку, но в конце концов все движение к Пасхе прекратилось.

Центральный комитет голландской социальной демократии опубликовал 21 апреля воззвание ко всему интернациональному пролетариату с просьбой о поддержке забастовщиков. В этом воззвании сказано следующее: «Если бы весь рабочий класс имел избирательное право, если бы он получил политическое воспитание, употребляя это право как оружие в политической борьбе, если бы, далее, между рабочим классом в целом и социал-демократической фракцией существовала тесная связь, то очень вероятно, что можно было бы избежать этой отчаянной борьбы вне парламента. Ответственность за эту борьбу падает раньше всего на господствующие классы, которые держат все еще большую часть рабочих в положении политически безгласных и таким образом потворствуют разным анархическим и бунтарским склонностям в рабочем движении. Далее ответственность за происшедшее лежит на нынешнем реакционном правительстве и буржуазных партиях, которые пожелали как можно успешнее провести свой каторжный закон и поставили перед рабочими дилемму: либо совершить акт отчаяния, либо позволить поработить себя без протеста. Голландские рабочие вступили в борьбу без достаточной профессиональной организации и политического воспитания, но они боролись геройски. Теперь вся буржуазия упивается бешеными восторгами власти и только и думает о мести организованному пролетариату. Дирекция железных дорог временно рассчитала 1.600 чел., и во всех тех производствах, где происходила забастовка, насчитываются многочисленные жертвы: рабочие лишаются куска хлеба за свой гражданский протест против порабощения. Нищета велика, и голландские рабочие одни не могут оказать достаточной поддержки своим пострадавшим товарищам. В этой нужде мы обращаемся к вам, товарищи, с просьбой откликнуться. Голландская соц.-дем. в этой борьбе шла рука об руку с профессиональными союзами и она их теперь не оставит на произвол судьбы. Правда, рабочие совершали ошибки; они вступили в борьбу слабо вооруженные; средства, употребленные ими, не соответствовали их фактической силе; но они доказали с очевидностью, что лучшие добродетели пролетариата — боевой дух и гордость — присущи им. Подумайте над тем, что наша борьба интернациональна и что мужественное сопротивление одной части пролетариата удержит, может быть, капиталистический класс в вашей собственной стране от нападения на права рабочих. Помогите нам, чтобы мы могли поддержать наши жертвы и с новым мужеством и новой верой в свое дело приняться за организационную работу. Несомненно, что поражение голландского пролетариата можно было раньше предвидеть. Слишком слабым и разрозненным ринулся он в бой: часть рабочих, находясь под влиянием духовенства, совершила гнусную измену по отношению к своим братьям; но движение в целом имеет свою поучительную сторону. Долгие годы общественная жизнь в Голландии была как в тумане, и, когда соц.-демократы проповедывали истины социализма, то противники называли их «догматиками», чуждыми понимания действительности. Даже рабочие сомневались. Благодаря внезапной вспышке классовой борьбы, все, что было скрыто в течение ряда лет, ярко выступило наружу, и в том пожаре, который уничтожил часть нидерландских союзов, ясно обрисовались силуэты рабочего класса и буржуазии. Мы увидели, что рабочий класс гораздо слабее, чем он сам о себе думает в упоении только что одержанной славной победы; но мы заметили и его мужество и его непреклонную готовность отстаивать свои права. Ныне рабочий класс видит самого себя в настоящем свете и знает, чего ему недостает. Профессиональное движение должно теперь отказаться от преувеличенной оценки своей силы и направить все усилия на организационную работу. Мы видели и буржуазию и буржуазное государство в их истинном виде. Мы видели, что правительство прибегло к грубой силе, чтобы провести реакционные законы, и было поддержано всеми партиями в этом благородном деле. Мы видели, как «национальное» правительство демократического государства давало обществам своих солдат не только для охраны железных дорог, но и для замены стачечников, и эти солдаты оставались на местах рассчитанных, выброшенных за стачку рабочих еще целые недели после окончания стачки. Мы видели, как буржуазная пресса старалась выставить мужественных железнодорожных рабочих как самых худших злодеев и как либеральные и христианские листки подстрекали железнодорожные общества не давать никому пощады. Они, страшно сказать, находили закон еще не достаточно суровым, а четыре года тюрьмы слишком мягким наказанием. Они желали виновных и их семьи наказать перспективой голодной смерти или ссылкой в Ост-Индию для отбывания там принудительной военной службы. Мы видели капитал во всей его холодной жестокости, его мнимое христианство в отвратительной наготе. Государство представилось нам могучим орудием закабаления рабочего

класса, подавления в нем стремления к смертному греху «покушения на дивиденды капиталистов».

Правительство и буржуазия дали нидерландской соц.-демокр. громадный материал для пропаганды, и нужно думать, что она сумеет его использовать в целях привлечения всего пролетариата Голландии в ряды революционной социал-демократии.

ПЕРВОЕ МАЯ В ФУРМИ.

1 мая 1891 г., согласно постановлению международного конгресса 1889 г., французский пролетариат вторично праздновал первомайский праздник.

Стоявшее во главе Франции так называемое «министерство республиканской охраны» г. Констана мобилизовало все свои полицейские и военные силы против мирных манифестантов. По всей Франции подверглись манифестанты нападению диких орд, в Лионе и Марсели произошли довольно крупные схватки, но событие, отметившее 1891 год кровавым пятном на страницах истории Третьей республики, это — избиение рабочих в Фурми, где девять мертвых и несколько десятков раненых пали под ничем не вызванными выстрелами республиканской армии *.

3 мая того же года над общей могилой девяти погибших товарищей рабочие Фурми поклялись никогда не забыть той крови, которая навсегда отделила их от буржуазии, и до сих пор они верны этой клятве.

Репрессии однако не ограничились одним кровопролитием. Министерство «республиканской охраны» решило судом преследовать наиболее энергичных агитаторов, и буржуазное правосудие присудило некоторых из них, — в том числе и одного из первых французских социал-демократов, зятя Маркса, Лафарга,[16] — к году тюрьмы. Урок, данный таким образом французским рабочим, не прошел для них даром, но принес совершенно другие плоды, чем ожидал, вероятно, г. Констан. В 1892 г., при общих выборах в палату депутатов, рабочие Фурми выбрали своим представителем сидевшего тогда еще в тюрьме Лафарга, а еще через несколько лет они завоевали муниципалитет своего городка, который до тех пор был в руках патронов.

С первых же дней своей деятельности социалистический муниципалитет постановил воздвигнуть памятник на общей могиле девяти жертв 1 мая 1891 г. и, в виду крайней незначительности своего бюджета (в Фурми насчитывалось в 1891 г. около 16.000 жителей, а теперь всего около 13.000 жителей), решил открыть публичный сбор среди французского пролетариата. Понимая, что этот памятник будет вечным укором, memento mori буржуазии, и что он постоянно будет напоминать пролетариату об его революционном долге, правительство поспешило запретить эту подписку, и муниципалитет был предоставлен своим собственным маленьким силам.

И вот в начале апреля этого года французская социалистическая партия (об'единенные гедисты и бланкисты) обратилась к социалистическим партиям всех стран с предложением прислать делегатов на открытие этого памятника.

Социалисты всех стран откликнулись на это приглашение. Германские, американские, английские, польские, испанские, итальянские социал-демократы, Союз русских социал-демократов прислали адреса, Заграничная Лига русск. рев. социал-демократии, бельгийская рабочая партия, партия соц.-рев. прислали делегатов.

В субботу 2 мая, накануне манифестации, состоялся митинг, на котором присутствовало около полторы тысячи рабочих. За час до начала маленький местный театр был переполнен, густая толпа не нашедших уже места заняла площадь. Полиция отсутствует, и порядок в этой толпе образцовый. Стройные мощные звуки «Интернационала», дружные возгласы «да здравствует социальная революция!» одни нарушают тишину всегда столь спокойного городка и заставляют запоздавших несколько делегатов прибавить шагу.

Появление их на трибуне встречается громом рукоплесканий; но совершенно невозможно описать восторженный прием, сделанный красному знамени Российской Социал-демократической Рабочей Партии, которое привез и внес на трибуну делегат Загр. Лиги русской революционной социал-демократии.

Говорило на этом митинге около пятнадцати ораторов Делегат Лиги, Ремэ, принес французскому пролетариату привет русского рабочего класса, который борется с самодержавием, чтобы, свергнув его, ринуться в последний бой с буржуазией. «Когда российское самодержавие — этот спинной хребет европейской реакции — падет под мощным ударом рабочего класса, Европа увидит стройную армию русского организованного пролетариата, готового пойти под красным знаменем российской социал-демократии, развевающимся на этой трибуне рядом со знаменем Французской Социалистической Партии, на решительный штурм буржуазного общества».

Но что придает этому митингу и всей манифестации их крупное значение, это не речи, не слова, произносившиеся с трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которые проявила рабочая масса. Трибуна и зала слились в одном общем чувстве. Каждое слово, произносившееся с трибуны, было точным выражением мысли 1½-тысячной толпы, в течение нескольких часов с одинаковым вниманием и полной сознательностью выслушивавшей всех ораторов. Корректность толпы проявилась в особенности, — как на этом митинге, так и во время манифестации на кладбище, — в ее отношении к бестактным и неуместным выходкам мэра Кузен-Корбьера, бывшего члена партии, отошедшего к «реформистам». В двух своих довольно пространных речах г. Кузен-Корбьер пытался доказать, что, и уйдя в ряды оппортунизма, он остался искренним социалистом и что во всем виноваты «сектанты», не пошедшие за ним по пути «сотрудничества классов». Презрительное молчание толпы, давшей ему говорить, ни разу не прервав его, не поддавшейся ни на одну из его провокационных выходок, было ему должным ответом.

На второй день с утра начали с'езжаться делегаты, так как многие из них, как напр. Лафарг, Вальян и др., смогли приехать лишь в самый день манифестации. В три часа кортеж двинулся из центра города и, пройдя по главным улицам, направился к кладбищу. Впереди несли венки, за которыми следовали делегаты иностранных социалистических партий и провинциальных федераций.

За развернутыми красными знаменами областных федераций и Р. С.-Д. Р. П. шла густая толпа местных и приехавших из окрестностей членов партии и манифестантов. В числе делегатов обращали на себя внимание рядом с Лафаргом депутаты Вальян, Делори, Констан и Дюфур, несколько мэров и муниципальных советников со своими шарфами, а также старик Блондо, дочь которого, молодая девушка, была одной из жертв первомайского избиения 1891 года.

Улицы полны народа, члены партии узнаются по металлическому жетону, который блестит почти во всех петличках. Полиции так же мало, как и накануне, но у ворот города стоит 145-й пехотный полк (тот самый, который так метко стрелял в рабочих Фурми в 1891 г.), приведенный сюда под предлогом маневров, и целая бригада жандармов, а на телеграфе всю ночь дежурил чиновник, чтобы передавать возможные приказания комиссара.

Маленькое кладбище было запружено народом, так что делегатам пришлось энергично действовать локтями, чтобы добраться до трибуны, воздвигнутой рядом с памятником. Памятника в собственном смысле слова нет: скромных средств муниципалитета хватило только на то, чтобы над общей могилой павших товарищей устроить небольшой палисадник с металлической оградой и поставить две мраморных доски, которые сохранят память о кровавом событии и не дадут умереть именам жертв, покоящихся в братской могиле.

Перечислить все речи нет возможности. Ораторов было около 20 человек. Общее содержание всех речей сводится к указанию на огромное политическое значение этой манифестации, которая не так имеет целью почтить память павших в бою товарищей, как лишний раз под-

* Характерная особенность: офицер, приказавший стрелять (капитан Шапю), получил орден при министерстве Вальдек-Руссо — Мильеран.

черкнуть непримиримость международного пролетариата с существующим буржуазным строем и его боевую готовность.

После речей, по предложению Делори, мэра гор. Лилля, секретаря северной федерации партии, присутствовавшие в молчании разошлись, и стоящим наготове полицейским и военным силам не пришлось на этот раз проявить на деле свою ненависть к освободительному рабочему движению.

Цель манифестации была достигнута. Около семи тысяч человек присутствовало на кладбище, было прислано около пятидесяти делегатов, представлявших 12 областных федераций и 20 муниципалитетов. Адресами и делегатами были представлены 21 федерация и более 20 муниципалитетов. К этому надо еще прибавить несколько синдикатов, кооперативных товариществ и целый ряд отдельных, входящих в состав партии, групп. Вся буржуазная пресса, обыкновенно систематически замалчивающая все проявления растущего самосознания французского рабочего класса и его организации, отметила манифестацию 3 мая. Французская социалистическая партия заставила заговорить о себе. Что же касается «реформистов», то они по этому поводу показали, как им дорого и важно рабочее движение само по себе, а не поскольку оно приносит им личные выгоды: из всей парижской прессы «La Petite République», орган Жореса и Мильерана, была единственной газетой, не сказавшей ни слова о грандиозной манифестации пролетариата в Фурми. В ней появилось лишь краткое замечание о том, что «при открытии памятника жертвам избиения 1891 г. в Фурми мэр Корбьер произнес блестящую социалистическую речь»!

Нам же манифестация Фурми должна лишний раз доказать, что неправы те, которые утверждают, будто французы «органически неспособны к организации». Очистившись от пришедших было к ней чуждых ей элементов, партия французского пролетариата стала тем лишь сильнее, выдержанность ее классового характера от этого только выиграла. Лучшим доказательством ее роста и сознательности организованного ею пролетариата служит тот факт, что ни г. Кузен-Корбьер в Фурми, ни г. Каррет в Рубэ, ни даже такой видный и популярный деятель, как бывший депутат Зеваэс в Гренобле, отошедшие за последние годы от французской рабочей партии, никого не увлекли за собой. Партия Геда, Лафарга и Вальяна,[17] об'единившая французский пролетариат вокруг знамени революционного марксизма, медленно, но уверенно растет и составляет надежный оплот социальной революции во Франции.

ИЗ ПАРТИИ

Ко всем российским социал-демократическим организациям.

Товарищи! Условия политической борьбы чрезвычайно усложнились. Местные организации часто не в силах справиться с задачами, пред'являемыми ходом событий. Об'единение всех революционных социал-демократических организаций в единую централизованную партию — насущнейшая задача настоящего момента. «Организационный Комитет» Р. С.-Д. Р. П. в России и за границей взял на себя инициативу этого об'единения. Общепартийный с'езд — дело не особенно отдаленного момента. В виду этого особенно важно, чтобы все революционные соц.-дем. группы выяснили свои взгляды на программу и задачи партии, определили свое отношение к существующим в революционной среде течениям. Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих с своей стороны полагает, что за последние 2 года направление, представленное «Искрой» (и «Зарею»), по праву завоевало себе в соц.-дем. кругах доминирующее положение. Из всех революционных соц.-дем. органов «Искра» наиболее полно и ярко сформулировала главные задачи российской социал-демократии и ее программу; «Искра» наиболее удачно наметила основные принципы и план партийной организации. Ее настойчивое подчеркивание важности всесторонней политической агитации, ее резкое осуждение так называемого «экономизма» навсегда покончили с периодом идейного разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы социал-демократии, его неустанное подчеркивание классового и в то же время общенационального характера рабочего движения, его энергичный протест против попыток внести в наше движение буржуазные элементы. Если мы находимся в настоящее время накануне действительного, а не фиктивного об'единения партии, то главная заслуга в этом принадлежит «Искре». И это создало «Искре» фактическое положение руководящего органа партии.

Товарищи! Поскольку все мы принципиально солидарны с «Искрой», мы обязаны в интересах дела и нашей партии признать за нею формально то положение, которое создалось фактически! Пора признать «Искру» нашим руководящим органом!

Сознавая всю важность скорейшего об'единения местных организаций вокруг центрального органа партии, «Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих», отказываясь впредь до созыва с'езда от обсуждения некоторых частных разногласий своих с «Искрой», воздерживается от критики тех или иных ее недостатков и, приветствуя заявление большинства Комитетов, присоединившихся к «Искре», об'являет ее своим руководящим органом. 18 апреля 1903 года.

Комитет Соц.-Демократ. Союза Горнозаводских Раб. (Юга России).

Екатеринославский Комитет просит поместить в «Искре» следующее заявление.

Всего два года прошло со времени появления «Искры», и за этот сравнительно короткий промежуток времени ею сделано не мало. Ожесточенная борьба с экономизмом и свойственным ему шатаньем в области мысли и практики, яркая критика других не социал-демократических течений, борьба с националистическими увлечениями в нашей партии, уменье будить мысль революционеров, призыв к широкому размаху революционной работы — вот славная и вместе с тем сложная и трудная работа, выполняемая все время «Искрой». И если теперь мы можем с надеждой смотреть на предстоящий с'езд партии, надеяться, что об'единение наше будет не фиктивным, а вполне действительным, если мы можем думать, что мы накануне создания партии со строго научной программой, политически целесообразной тактикой и прочной и крепкой организацией, то во всем этом мы в немалой степени обязаны «Искре»: ее настойчивый и страстный призыв к об'единению, выяснение основ истинно социал-демократической тактики и программы, энергичный протест против всякого замалчиванья и неопределенностей — все это подготовило, вернее — создало почву для об'единения. Жизнь, действительность — лучший учитель, и она нам показала, как много верного и глубоко правдивого провозглашалось на страницах «Искры» и «Зари». Но ликвидация периода раздробленности, кустарничества, шатанья и разброда еще не совсем закончена: борьба еще ведется, и потому определенное выражение своего отношения к этой ликвидационной работе со стороны каждой социал-демократической организации имеет немаловажное значение. Екатеринославский Комитет, руководствуясь вышеупомянутыми соображениями, считает необходимым заявить о своей полной солидарности по всем вопросам программы, тактики и организации со взглядами «Искры» и «Зари» и о признании «И.» и «З.» своими руководящими органами.

Перед 1 мая распространены два воззвания «Военно-революционной организации» — к офицерам и к солдатам. Последнее говорит подробно о златоустовском побоище и призывает солдат не стрелять в рабочих.

В прокламации, изданной по поводу кишиневских зверств, Донской Комитет говорит:

«Слушайте, граждане, что задумала полиция в Ростове! В день первого мая, в день нашего мирного праздника свободы, она хочет обагрить улицы Ростова кровью беззащитных евреев, она готовит еврейский погром.

«Среди толпы, в кабаках, на берегу она зовет бить евреев, так как евреи идут против царя, так как евреи — враги народа...

«Товарищи! Выступая за правое дело, мы возьмем под свою защиту всех угнетенных, всех, кто страдает от нашего врага — правительства; мы возьмем под свою защиту евреев!

«Вы, граждане, сознательные и передовые рабочие, с презрением оттолкнете гнусные предложения полиции — вы не пойдете бить евреев.

«Но есть толпа, есть люди забитые, не знающие, куда итти, с кем бороться: те люди могут послушать полицию, могут пойти на евреев. Товарищи, мы не допустим этого! Помните, как в Тихорецкой станице рабочие выступили в защиту поруганной чести незнакомой женщины. Они поднялись как один человек, они разнесли в щепки полицию.

«Товарищи, ростовская полиция готовит еще худшее дело. Стремясь опозорить праздник первого мая, она угрожает жизни сотен беззащитных людей.

«Товарищи, мы не дозволим этого!

«Открыто и смело возьмем мы под свою защиту евреев, мы грудью своей отразим нападение опьяненной и подкупленной толпы и полиции.

«И горе ей! Пусть она знает, что в этот решительный день мы сведем старые счеты!

«Пусть она знает, что в этот решительный час выльется на нее долго накоплявшиеся народное возмущение и злоба.

«Граждане ростовские рабочие, в нашей жизни еще не было такого великого часа!

«В нашей власти теперь показать всему миру, что мы боремся за правду и справедливость, что боремся за права всех обиженных, не различая ни племени ни веры.

«...Если мы услышим, что бьют евреев, мы все, как один человек, пойдем защищать их.

«Мы расправимся с полицией за все ее преступления, мы отомстим за кишиневские зверства!».

С января по апрель Одесским Комитетом были выпущены следующие листки: 1) К рабочим и работницам фабрики Вальтуха. 2) К приказчикам. 3) Ко всем рабочим и работницам пробочных заводов г. Одессы. 4) К рабочим и работницам сахарного завода Бродского. 5) Ко всем рабочим и работницам табачных фабрик. 6) Ко всем рабочим (по поводу демонстрации ж.-д. рабочих при отправке товарищей из тюрьмы). 7) 19 февраля. 8) Ко всем рабочим типографий. 9) К пекарям г. Одессы. 10) Ко всем «О манифесте 26 февраля». 11) «Воззвание». 12) Письмо из Томска. 13) К обществу (о погроме). 14) К рабочим (о погроме).

В апреле Петербургским Комитетом изданы листки: 1) К рабочим фабрики Мельцера. 2) О собрании «Зубатовского» общества. 3) О манифесте 26 апреля. — Екатеринославским Комитетом изданы листки, посвященные манифесту 26 апреля и майскому празднику.

На Кавказе перед 1-м мая была распространена в большом количестве прокламация «Кавказского Социал-Демократического Рабочего Союза», организовавшегося из слияния трех комитетов партии (Баку — Батум — Тифлис). Прокламация обращается, между прочим, к кавказским крестьянам, приглашая их «выйти из жалких деревушек и притти 1 мая в города». Прокламация раз'ясняет крестьянам, что спасение их — в присоединении к пролетарскому движению.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П. просит нас передать его сочувствие еврейским пролетариям, которые сотнями и тысячами гибнут в борьбе с современным капиталистическим порядком и на которых с особенной силой обрушивается гнет всероссийского самодержавия с его гнусной полицией и гнусными органами печати — «Бессарабцем», «Новым Временем», «Светом», «Московскими Ведомостями» и т. п. — этими проводниками начал самодержавия, православия и народного невежества, этими фактическими виновниками так называемых «еврейских погромов».

Центральный Комитет Польской Социл-Демократии издал воззвание к рабочим по поводу кишиневского погрома и правительственных провокаций в том же духе на Литве.

«Берегитесь, рабочие и работницы! — говорит Центр. Ком., указывая на последствия погромов: — не становитесь орудием в руках подлых слуг царизма во вред рабочему делу и для торжества царского угнетения.

«Рабочие и работницы! Отразите маневры правительства, направленные против дела свободы!.. Религиозные и национальные распри — гибель рабочему делу, и правительство нуждается в них, чтобы заставить нас молчать и держать нас в рабстве.

«Не позволяйте убивать евреев. И, если в случае новых антисемитских беспорядков правительство еще раз проявит бездеятельность, возьмите сами на себя защиту своих братьев — еврейских рабочих, защиту народа, преследуемого правительством. Восстановляйте порядок, раз правительство вызывает беспорядки.

«...Наше спасение, спасение рабочего народа — в классовой борьбе всего рабочего класса, включая и еврейских и русских рабочих, против царского ига и против эксплоатации».

Митинги протеста против правительственных и антисемитских злодеяний в Кишиневе были организованы в русских колониях Парижа, Монпелье, Льежа, Женевы, Лозанны, Берна, Гейдельберга, Лондона, Цюриха, Кётена и Берлина.

На собрании в Париже, созванном Лигой Рев. Социал-Демократии [18] и состоявшемся под председательством В. И. Засулич, принята 400 присутствующими резолюция, клеймящая русское правительство и выражающая надежду на то, что организованный пролетариат воспрепятствует царизму в деле натравливания одной части населения на другую. К этой резолюции присоединилось собрание в Монпелье; аналогичные резолюции приняты и в других колониях.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В моей брошюре «Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов» имеется несколько замечаний по поводу одного собрания в Петербурге зимою 1897 года, на котором велся спор об участии рабочих в тогдашнем Союзе Борьбы и которое было описано товарищем Лениным в его «Что делать?». В настоящее время, благодаря личному свиданию еще с одним участником этого собрания и после выяснения дела в личной беседе с товарищем Лениным, я считаю необходимым заявить следующее:

Что касается до деления споривших на старых и молодых, принимавших впоследствии участие в «Рабочей Мысли», то товарищ Ленин и сам признает, что это его деление не вполне точно *.

С своей стороны я согласен с тем, что петербургское массовое рабочее движение 1896—97 годов и в особенности столь неожиданная и величественная летняя стачка 1896 года и организованная январская стачка

---

* Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой», как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» — «молодых».

Прим. Ленина.

1897 г., потребовавшие крайнего напряжения всех сил нашего Союза, конечно, оставили свой след и на нашем миросозерцании в виде, быть может, переоценки значения стачечного движения. Это, разумеется, дает товарищу Ленину некоторое право искать в сказанном времени начало зарождения так называемого «экономизма». Но по моему мнению то, чем мы тогда в действительности увлекались, нельзя назвать «экономизмом». Мы увлекались первыми проблесками самосознания и самодеятельности широкого круга рабочих, их стремлением к организованности и к активной борьбе; а отсюда логически вытекало наше стремление непременно организовать при Союзе группу рабочих-агитаторов, из среды которых Союз мог бы также пополнить свои силы. Впрочем, я теперь убедился, что наши прежние споры насчет положения агитационной группы в Союзе в значительной степени должны быть об'яснены некоторым взаимным непониманием, и я думаю, что дальнейшее выяснение прежних разногласий пора давно сдать в архив, дабы не тратить на него сил и времени, необходимых для успеха нашей общей работы.

Петербуржец [К. Тахтарев]

Вышли новые издания: 1) Н. Ленин. К деревенской бедноте. (Опыт популяризации соц.-дем. программы). 2) Унтер-офицер. Рассказ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербург. В середине мая, по сведениям Красн. Креста, арестовано до 400 чел. рабочих.

В Самаре в ночь с 15-го на 16-е апреля были обыски и аресты. Взяты: Алексеев, Ариева (вып.), Бекенский, Губанов, Егоров, Медведков студ., Медведков частн. пов., Клыков раб., двое Морозовых раб., Гурьянов раб., Полек раб. (вып.), Эрн. Попова акушерка (выпущена через 2 дня), Полянский студ., Протопопов, Свидерский, Шепелев раб., Шепеляев раб., 6 булочников, 2 рабочих жел.-дор. мастерских, 1 заготовщик обуви Сапожников (вып.) и еще один рабочий.

Москва. Лица, сидящие в Таганской тюрьме: по московскому делу: Теодорович, Вейнштейн, Мещеряков, Гурвич (женщ.), Бирон (женщ.), М. А. Олигер (женщ.), Акулова. По делу Белостокского с'езда: два Когана, Гурвич, Зельдов. Одесситы: Красненская, Захарова, Розенфельд (женщ.), Гринблад, Кашнир, Бернштейн, Рудовский, Барышник (женщ.). Из Нижнего: Данилов, Комолов, Кузнецов, Никифоров, П. Гусев, Авдеев. По другим делам: Прозим, Град, Давыдов, Контарин, Рогова, Михалевский.

Саратов. Арестованы в Сердобском уезде: Степанов, Гусев и учительницы Натр и Андреева; обвиняются в пропаганде среди крестьян. В Ртищеве взято 12 рабочих (в феврале), в связи с этим в Саратове были обыски и арестован раб. Дацкевич. В Аткарске арестована одна фельдшерица. В ночь на 21 марта в Саратове арестованы: раб. Громадный, Лукьянов, Нерсидов, Пав. Гусев, Вера Кесслер, Николаев (увезен в Казань) и Ткачев. Обыски у Календа, Плотниковой, Смирнова и др.

Новочеркасск. В ночь с 15 на 16 апреля был обыск у бывш. студ. Петерб. универс. В. П. Литова (сослан теперь на 3 года в Арханг. губ.); на следующую ночь сделан обыск у его брата студ. Харьк. ун. в Харькове.

Ярославль. В конце апреля были распространены первомайские прокламации Северного Союза. — Арестованы студенты Кучеров, Иконников, Немоловский и др., всего до 8 человек. Обыск у бывшего студента К. Крылова.

Минск. В ночь с 13 на 14 состоялось под городом собрание «Бунда», нагрянула полиция и переписала 160 человек, из них арестовано 60 человек.

Лодзь. В ночь с 13 на 14 здесь было произведено много обысков и арестов преимущественно среди «Бунда». Арестовано около 100 человек, главным образом, рабочие.

Бежали: из Иркутской губ. (село Верхнеострожское, Балаганского уезда) 17 апреля и благополучно прибыл заграницу Самуил Шапиро, сосланный на 4 года в Вост. Сиб. по ковенскому делу 1901 г.; Давид Кац, нелегальный, сосланный недавно в Сибирь после двух лет тюремного заключения (дело Бунда).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Недостаток места препятствовал нам до сих пор напечатать нижеследующее воззвание, содержанию которого мы, конечно, сочувствуем всей душой.

Касса «Помощь Эмигрантам» в Цюрихе.

Все больше разгорающаяся борьба России с самодержавным строем вызывает многочисленные побеги, вследствие чего политическая эмиграция из России приняла систематический характер. Всем известно, насколько тяжелы для эмигрантов материальные условия существования. В виду этого, для возможно целесообразной постановки дела помощи эмигрантам, в Цюрихе образовалась касса «Помощь Эмигрантам», которая согласно § 1 устава имеет целью оказывать материальную помощь лицам, эмигрировавшим из России по политическим условиям. Сюда относятся: а) политические преступники, бежавшие из тюрем, из мест ссылки и из-под надзора полиции; б) лица, эмигрировавшие за границу в виду грозившего им ареста по политическому делу.

Примеч. Касса «Помощь Эмигрантам» оказывает помощь нуждающимся эмигрантам, подходящим под § 1, без различия партий и организаций, к которым они принадлежат.

Идя навстречу настоятельной потребности, касса «Помощь Эмигрантам» просит всех сочувствующих откликнуться.

Адрес: Zürich, Hegibachstrasse, 22, Herrn Otto Lang.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Axelrod, Vogelsangstrasse, 9, Zürich.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Свобомыслящая Народная Партия»—образовалась из прогрессивной партии после ухода из нее национал-либералов (1867 г.). В 1884 году в свободомыслящую партию снова влились левые элементы национал-либералов. Мелкобуржуазная по своему составу, свободомыслящая партия наиболее полно сохранила традиции немецкого либерализма: она выступала за свободу торговли, против милитаризма, за введение всеобщего избирательного права и т. д. Одновременно с этим свободомыслящие очень резко выступали и против социализма, и на решающих перебаллотировках всегда отдавали голоса правым, вплоть до консерваторов. С начала XX века партия переживает упадок, в 1910 г. она об'единяется с «Свободомыслящим Союзом» и «Немецкой Народной Партией» в «Прогрессивную Народную Партию».

Прим. 2. Итальянская Социалистическая Партия была организована на конгрессе в Генуе в 1892 году. На этом конгрессе произошло разделение различных течений итальянского рабочего движения: реформисты-парламентарии, руководимые Турати-Прамполини, отмежевались от анархосиндикалистских элементов различных оттенков. На конгрессе в Реджио-Эмилия (1893 г.) партия приняла название «Социалистическая Партия Итальянских Рабочих», а на конгрессе рабочих в Парме (1895 г.)—была переименована в «Итальянскую Социалистическую Партию».

С самого возникновения итальянская партия была реформистской и оппортунистической. Центр тяжести своей деятельности она видела не в руководстве революционным движением рабочего класса, а в завоевании парламентской арены и в легальном давлении на правительство для получения различных уступок.

В 1901 г. социалистическая фракция парламента вступает в соглашение с либеральным министерством Цинарделли по вопросу о голосовании военных кредитов. Одновременно социалистическая партия прилагает все усилия к тому, чтобы затруднить стачечную борьбу рабочего класса, достигшую в начале девятисотых годов большого напряжения.

В 1903 г., после прихода к власти Джиолитти, последний предложил один из портфелей в своем министерстве лидеру парламентской фракции партии Турати. Отказавшись от этого предложения, Турати свой отказ мотивировал тем, что «пролетариат не созрел еще для этого опыта». Это обстоятельство, очевидно, имеет в виду автор статьи.

Прим. 3. Речь идет об образовании в 1902 г. на Реймском конгрессе «Социалистической партии Франции». В лице гедистов и бланкистов партия об'единила в своих рядах революционные элементы французского социалистического движения, выступившие против «мильерандизма» и оппортунизма. Их противники, руководимые Жоресом, образовали на конгрессе в Туре (1902 г.) «Французскую Социалистическую Партию». В апреле 1905 г. на Парижском об'единенном конгрессе обе партии слились под названием «Социалистическая партия, французская секция рабочего Интернационала».

Прим. 4. О Сормовском процессе см. № 29 «Искры»: «Нижегородские рабочие на суде».

Прим. 5. О Саратовском процессе см. № 37 «Искры»: «Политический процесс» и № 32 — «Из деревни. Саратов».

Прим. 6. О ноябрьских событиях в Ростове см. корреспонденции и статьи в «Искре»: № 29—«Борьба ростовских рабочих», № 30 — «Ростов-на-Дону», № 31 — «Ростов-на-Дону», № 32 — «Значение Ростовской стачки» и № 36 — «Обвинительный акт».

Прим. 7. О февральских и мартовских демонстрациях—см. корреспонденции в «Искре»: № 34—«Варшава», «Томск», «Вильна»; № 36 — «Новая демонстрация в Ростове-на-Дону», «Томск»; № 37 — «Снова кровь», «К Ростовской демонстрации 2 марта», «Баку», «Баку 2 марта», «О демонстрациях в Тифлисе», «Томские события», «Трагедия в Златоусте»; № 38 — «Ростовская демонстрация 2 марта».

Прим. 8. Тартюф — герой известной комедии того же названия французского драматурга Мольера. Имя Тартюфа стало синонимом ханжества и лицемерия. О спорах вокруг террористического акта С. Балмашева — см. прим. 1-е к № 20 «Искры».

Прим. 9. Белинский В. Г. (1811—1848)—знаменитый критик и публицист, положивший теоретическое и практическое начало русской литературной критике. Подчеркивая тесную связь литературы и искусства с социальной действительностью и отстаивая наиболее передовые демократические идеи своего времени, Б. стал одним из учителей революционной интеллигенции второй половины XIX века.

Прим. 10. «Сибирский Союз Росс. С.-Д. Р. П.» возник в 1901 г. Он состоял из 7 человек: трех в Иркутске, одного—в Красноярске, двух в Томске и одного, об'единявшего путем раз'ездов их деятельность. Несмотря на потребность в об'единении и руководстве местными социал-демократическими группами в Сибири, «Союз», в виду преобладания в нем экономистов, фактически работой этих организаций не руководил. Отказ от экономистских взглядов, а затем и переход к активной руководящей деятельности «Союз» начал осуществлять только в конце 1902 г. В январе 1903 г. «Сибирский Союз» издал манифест, в котором всецело присоединился к позиции «Искры». Делегатами «Сибсоюза» на 2-й с'езд были Л. Д. Троцкий, Посадовский и В. Мандельберг.

Прим. 11. «Кавказский Социал-Демократический Рабочий Союз» образован на первом с'езде кавказских соц.-демократических организаций в Тифлисе в феврале или марте 1903 г. На с'езде были представлены делегаты из Тифлиса, Баку, Батума, Кутаиса, Гуричиатуры, Гори и Хашури. С'езд единогласно принял политическую линию «Искры». В состав избранного с'ездом «Кавказского Союзного Комитета» вошли Миха Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Джибладзе, И. Сталин-Коба, Аршак Зурабов и др. С'езд избрал трех делегатов на II с'езд партии: Кнуньянца, Топуридзе и Зурабова. См. о «Союзе» в № 50 «Искры» «Письмо в редакцию».

Прим. 12. Лопухин, А. А. (р. в 1854 г.) — директор департамента полиции при Плеве. В 1906 г., во время суда над Петербургским Советом Рабочих Депутатов Лопухин прислал защитнику Грузенбергу два письма, изобличавшие погромную деятельность правительства. В 1908 г. он подтвердил сперва Бурцеву, а потом представителям Ц. К. партии с.-р. провокаторскую службу Азефа, за что был в 1909 г. осужден на поселение в Сибири.

Прим. 13. Суворин А. С. (1834—1910)—журналист, вначале либерал, потом редактор антисемитской газеты консервативно-дворянских кругов «Новое Время».

Прим. 14. Шведская партия (шведоманы)—финляндская партия землевладельческой аристократии, финансовой и промышленной буржуазии. Как показывает ее название, партия была тесно связана с шведскими элементами страны. Весьма консервативная по своей программе, эта партия, под влиянием руссификаторской политики царизма, становится оппозиционной и связывается с русской либеральной буржуазией. После революции 1905 года партия быстро правеет и ее старое ядро образует новую «шведскую народную партию».

Прим. 15. Младо-фенноманы — финские радикалы. Самая левая из финских буржуазных партий. В национальном вопросе отстаивала права финского языка и финской культуры, боролась с царским правительством.

Прим. 16. Лафарг П. (1842—1911)—наряду с Гедом, один из влиятельнейших руководителей социалистической партии Франции. Участник Парижской Коммуны, видный деятель Интернационала, активный участник испанского социалистического движения. Л. является в то же время автором ряда книг, популяризующих марксизм в различных отраслях знания, и памфлетов, бичущих капитализм.

Прим. 17. Речь идет о «Социалистической партии Франции» (см. прим. 3-е). Вальян Эдуард (1840—1915) — старейший деятель социалистического движения во Франции. Участник Парижской Коммуны, руководил ее бланкистско-якобинским крылом. После поражения Коммуны, находясь в эмиграции, эволюционировал от бланкизма к марксизму. После создания об'единенной социалистической партии (1905 г.) В. стоял на ее левом фланге, занимая революционную позицию в основных тактических вопросах. Во время войны В., подобно большинству вождей II Интернационала, становится социал-патриотом.

Прим. 18. «Лига Русской революционной социал-демократии» — заграничная организация, ставившая себе задачу распространения идей революционной социал-демократии. Фактически Лига была заграничной организацией сторонников «Искры». Образовалась Лига в 1901 г., после неудачи так называемого «Об'единительного с'езда» заграничных организаций (4—5 октября 1901 г.). После II с'езда партии Лига превратилась в оплот заграничного меньшевизма.